

ISSN 2658-7041

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

ISSUES OF ETHNOPOLITICS

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

4
2020

ISSUES OF ETHNOPOLITICS
Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Journal “Issues of Ethnopolitics” is included in the Russian Science Citation Index

Objectives and field of study

“Issues of Ethnopolitics” is a peer reviewed journal dedicated to current theoretical and practical problems of ethnopolitics. The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research in the field of the study of ethnopolitical and ethnocultural processes. The main focus of the publication is scientific articles devoted to research in the field of ethnopolitology and ethnosociology, nation-building, political linguistics, ethnoconflictology, migration processes, and ethnocultural diversity of Russia. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of a complex of theoretical, scientific and practical problems of the implementation of the state national policy. The journal accepts original articles for publication, comprehensive studies of Russian and foreign authors, previously unpublished research reports.

Journal is registered by Federal Service for Supervision
of Communications Information Technology and Mass Media
23.11.2018, reg. No. FS77-74388

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

Tel: + 7 495 250 67 44

E-mail: ethnopolitic@rggu.ru

Website: <http://ethnopolitics-journal.ru>

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал «Вопросы этнополитики» включен в систему
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Цели и область

«Вопросы этнополитики» – рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам этнополитики. Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований в области изучения этнополитических и этнокультурных процессов. Основная направленность издания – научные статьи, посвященные исследованиям в области этнополитологии, этносоциологии, нациестроительства, политической лингвистики, этноконфликтологии, миграционных процессов, этнокультурного многообразия России. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем реализации государственной национальной политики. Редакция журнала принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций 23.11.2018 г., регистрационный номер
ПИ № ФС77-74388 от 23.11.2018

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: + 7 495 250 67 44

Электронная почта: ethnopolitic@rggu.ru

Сайт: <http://ethnopolitics-journal.ru>

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

M.A. Omarov, Dr. of Sci. (Politics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.M. Gadzhimuradova, Cand. of Sci. (Politics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

A.I. Masalovich, Cand. of Sci. (Physico-Mathematics), Inforum Consortium, Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

O.Yu. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Editorial Council

M.M. Magomedov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Deputy Chief of Staff of the Presidential Executive Office, Moscow, Russian Federation

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

O.V. Melnichenko, Cand. of Sci. (History), Chairman of the Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Government and Northern Affairs, Moscow, Russian Federation

I.I. Gilmutdinov, First Deputy Chairman of the State Duma Committee on Issues of Nationalities, Moscow, Russian Federation

T.V. Vagina, Head of the National Policy Department of the Internal Politics Office of Russian President Administration, Moscow, Russian Federation

V.I. Suchkov, Head of the Moscow city Committee on Interregional Relations and Nationalities Policy, Moscow, Russian Federation

V.A. Avksentev, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Chief Researcher, Federal Research Center "Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Rostov-on-Don, Russian Federation

V.A. Achkasov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Head of the Department of Ethnopolitology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

A.G. Bolshakov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Head of the Department of Conflict Resolution Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

- L.M. Drobizheva*, Dr. of Sci. (History), professor, Head of the Center for Inter-ethnic Relations Studies, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.Y. Zorin*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Chief Researcher, Head of the Center for Scientific Interaction with Public Organizations, the Media and Authorities, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.I. Kovalenko*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Head of the Department of Russian Policy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- M.Yu. Martynova*, Dr. of Sci. (History), professor, Head of the Center for European Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.A. Mikhailov*, Dr. of Sci. (History), professor, Head of the Department of National and Federal Relations, the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
- N.M. Mukharyamov*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law, the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation
- O.V. Pavlenko*, Cand. of Sci. (History), professor, Vice-Rector for Scientific Affairs at the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- Yu.P. Shabaev*, Dr. of Sci. (History), professor, Head of the Ethnography Sector, the Institute of Komi Language, Literature and History, Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation
- O.F. Shabrov*, Doctor of Sci. (Politics), professor, Head of the Department of Russian Policy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Executive editor

O.Yu. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

М.А. Омаров, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.М. Гаджимурадова, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.И. Масалович, кандидат физико-математических наук, Консорциум «Инфорус», Москва, Российская Федерация (*первый заместитель главного редактора*)

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Редакционный совет

М.М. Магомедов, доктор экономических наук, профессор, Администрация Президента РФ, Москва, Российская Федерация

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Мельниченко, кандидат исторических наук, Комитет Совета Федерации ФС РФ по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, Москва, Российская Федерация

И.И. Гильмутдинов, Комитет Государственной думы ФС РФ по делам национальностей, Москва, Российская Федерация

Т.В. Вагина, Департамент национальной политики Управления Президента РФ по внутренней политике, Москва, Российская Федерация

В.И. Сучков, Департамент национальной политики и межрегиональных связей, Москва, Российская Федерация

В.А. Авксентьев, доктор философских наук, профессор, Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В.А. Ачкасов, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

- А.Г. Большаков*, доктор политических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Российская Федерация
- Л.М. Дробизева*, доктор исторических наук, профессор, Институт социологии Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Российская Федерация
- В.Ю. Зорин*, доктор политических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.И. Коваленко*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ю. Мартынова*, доктор исторических наук, профессор, Центр европейских исследований Института этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.А. Михайлов*, доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация
- Н.М. Мухарьямов*, доктор политических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет (КГЭУ), Казань, Российская Федерация
- О.В. Павленко*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.П. Шабаев*, доктор исторических наук, профессор, Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Российская Федерация
- О.Ф. Шабров*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент (РГГУ)

Contents

Nation building

- Inal B. Sanakoev*
The phenomenon of politicization of ethnicity in the context
of ethnopolitical processes of the collapse of the USSR
(on the example of South Ossetia) 10

Russian Far North: society, cities, people

- Julija V. Andreeva*
Topical issues of studying social problems of the Russian Arctic 18

- Arbakhan K. Magomedov, Masahiro Tokunaga*
Socio-economic and resource factors of the emergence
of network protest of the indigenous peoples of the Russian North
(on the example of YANAO) 27

- Mikhail Yu. Martynov, Dmitry V. Serdyukov*
The role of public organizations in the protection of the rights
of the indigenous small-numbered peoples of the North
(based on the materials of an expert survey
in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra) 41

Religions and interreligious relations in Russia

- Victor M. Victorin*
Dagestani ethno-Muslim community:
between Islamic globalization and local transformation 57

- Magomedemin M. Hajiyeu*
On the dialectics of religious and ethnic relations:
methodological and regional aspects 67

Youth in the focus of ethnopolitics

- Natalia V. Goncharova, Olga A. Elkina*
Actualization of the ethnic: youth between family
expectations and peer groups 81

Содержание

Нацестроительство

Инал Б. Санакоев

- Феномен политизации этничности в контексте этнополитических процессов распада СССР (на примере Южной Осетии) 10

Российский Крайний Север: общество, города, люди

Юлия В. Андреева

- Актуальные вопросы изучения социальных проблем российской Арктики 18

Арбахан К. Магомедов, Масахиро Токунага

- Социально-экономические и ресурсные факторы появления сетевого протеста коренных народов российского Севера (на примере ЯНАО) 27

Михаил Ю. Мартынов, Дмитрий В. Сердюков

- Роль общественных организаций в защите прав коренных малочисленных народов Севера (по материалам экспертного опроса в ХМАО – Югре) 41

Религии и межрелигиозные отношения в России

Виктор М. Викторин

- Дагестанское этномусульманское сообщество: между исламской глобализацией и локальной трансформацией 57

Магомедэмин М. Гаджиев

- О диалектике религиозных и этнических отношений: методологический и региональный аспекты 67

Молодежь в фокусе этнополитики

Наталья В. Гончарова, Ольга А. Елкина

- Актуализация этнического: молодежь между семейными ожиданиями и peer groups 81

Нациестроительство

УДК 323.1

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-10-17

Феномен политизации этничности в контексте этнополитических процессов распада СССР (на примере Южной Осетии)

Инал Б. Санакоев

*Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал,
Республика Южная Осетия, inal59@mail.ru*

Аннотация. Автор исследует феномен политизации этничности в условиях распада СССР на примере Южной Осетии. Исследование данного феномена при этом осуществлено автором в аспекте анализа массовых общественных настроений в Южной Осетии накануне разворачивания грузино-осетинского конфликта, которые стали своеобразным общественно-политическим фоном также и обострения внутривнутриполитической борьбы в республике.

Ключевые слова: политизация этничности, феномен этничности, массовые политические настроения, настроения опасений, настроения ожидания, депривация ожиданий

Для цитирования: Санакоев И.Б. Феномен политизации этничности в контексте этнополитических процессов распада СССР (на примере Южной Осетии) // Вопросы этнополитики. 2020. № 4. С. 10–17. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-10-17

The phenomenon of politicization of ethnicity in the context of ethno-political processes of the collapse of the USSR (on the example of South Ossetia)

Inal B. Sanakoev

*South Ossetian State University Tshinval, Republic of South Ossetia,
inal59@mail.ru*

Abstract. The author analyzes the phenomenon of politicization of ethnicity in the conditions of the collapse of the USSR on the example of South Ossetia. The study of this phenomenon is carried out by the author in the aspect of analyzing the mass public sentiment in South Ossetia on the eve of the Georgian-Ossetian conflict, which became a kind of socio-political background and also the aggravation of the internal political struggle in the republic.

Keywords: politicization of ethnicity, phenomenon of ethnicity, mass political moods, moods of apprehension, moods of expectation, deprivation of expectations

For citation: Sanakoev, I.B. (2020), "The phenomenon of politicization of ethnicity in the context of ethnopolitical processes of the collapse of the USSR (on the example of South Ossetia)", *Issues of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 10–17, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-10-17

Предмет исследования

Политизацию этничности следует признать одним из важнейших механизмов актуализации национального самоопределения. При этом под политизацией этничности мы будем понимать процессы, которые сопровождаются формированием у определенных этносов политического сознания, которое, в свою очередь, способствует политической мобилизации сообщества, нацеленной на достижение определенных целей и задач. В силу указанных предпосылок этносы становятся акторами политической жизни и участниками процесса принятия политических решений. В этом плане мы солидарны с О.Н. Максимовой, считающей, что политизация этничности представляет собой «процесс выхода этнических сообществ на политическую арену и превращение их в субъекты истории»¹.

Методологический и теоретический контекст проблемы

Одним из первых на феномен политизации этничности обратил внимание Дж. Ротшильд. Он, в частности, говорит о такой стороне феномена, как «превращение этничности из психологического, культурного или социального фактора в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [Савва 2012].

При анализе феномена основное внимание исследователей сфокусировано на причинах политизации этничности в современном мире. По мнению большинства ученых, политизация этничности связана преимущественно с такими характерными чертами современного социально-политического развития, как противоречия модернизационных процессов, издержки глобализации и общая нестабильность в мире.

Процесс политизации этничности актуализируется в ситуации столкновения этносов с факторами различного рода угроз и рисков для своей идентичности. При этом он делится на три этапа: а) формирование политического сознания; б) политическая мобилизация; в) выход на политическую арену. На первом этапе у этнической элиты и населения наблюдается процесс формирования политиче-

¹Максимова О.Н. Политическая субъектность этноса, или Этничность в публичной сфере [Электронный ресурс]. URL: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/archiv/052015r/229-maximova-052015> (дата обращения 26.06.2020).

ского сознания, которое становится этнополитическим по сути, т. е. способным к осознанию своего места и роли во внутренних и внешних политических процессах.

На втором этапе наблюдается политическая мобилизация, нацеленная на решение определенных задач и достижение политических целей. На третьем этапе наблюдается вступление этничности в политический процесс, когда становится возможной разработка различного типа национальных проектов, а также механизмов по их практической реализации.

Очевидно, что в силу указанных обстоятельств политизация этничности способна оказывать деструктивное воздействие на общий уровень стабильности, поскольку, с одной стороны, способствует ухудшению материального положения населения, а с другой стороны, приводит к росту социальной напряженности внутри этнических общностей, а также в межэтнических отношениях.

Вопросы политизации общественного сознания

В контексте данного исследования феномен политизации этничности нас интересует преимущественно в аспекте политизации югоосетинского общественного сознания.

В плане исследования состояния югоосетинского общественно-политического сознания в сложных условиях перемен, вызванных распадом СССР, следует обратить особое внимание на характер общественных настроений того периода в целом. Очевидно, что вся специфика подобных настроений в значительной степени была обусловлена особенностями системных изменений, сопровождавших процессы распада Советского Союза. В таком случае можно предполагать наличие определенных закономерностей между основными направлениями социально-политических изменений и доминирующими общественными настроениями.

Феномен общественных настроений, с одной стороны, сам по себе достаточно эмоционально окрашен. С другой стороны, он содержит в себе и значительное рациональное зерно с определенным потенциалом готовности к практическим действиям.

Другой характерной чертой массовых общественных настроений являются динамизм и стихийность. При этом указанные характеристики обусловлены преимущественно тем обстоятельством, что массовые общественные настроения могут возникать стихийно и таким же образом распространяться по всему этносоциуму. В этом смысле они, конечно же, значительно отличаются от идеологии, которая формируется в процессе целенаправленной деятельности. Следует при этом иметь в виду, что стихийность массовых настроений проистекает от бессознательного восприятия перемен, так или иначе связанных с условиями их существования. Определенное значение имеет также способность и готовность рядовых масс этнического населения «поддаваться и увлекаться

популярными в тот или иной период времени настроениями и модными поветриями»².

Важной характеристикой массовых настроений становится и их способность к перерастанию в действие. Связано это большей частью с тем обстоятельством, что массовая среда способна создавать своеобразный фон взаимовлияния, который, в свою очередь, стимулирует повышенный уровень социальной активности. Помимо этого, быстрый переход к массовому действию обусловлен и специфическими характеристиками массовой психологии, включающими в себя такие элементы, как повышенная импульсивность и определенное единство эмоций, представлений и акций.

В общественных настроениях в контексте разбираемой нами проблемы нас интересуют, прежде всего, массовые политические настроения, которые представляют собой «общую эмоционально-рациональную оценку значительными количествами людей соответствия реальной социально-политической действительности, тех или иных ее аспектов притязаниям, потребностям и интересам этих людей, осуществление которых связано с данной действительностью, с данными аспектами»³.

Анализ массовых политических настроений в Южной Осетии в сфере межнационального диалога с Грузией периода распада СССР показывает их значительную политизацию и даже радикализацию, что оказалось характерным почти для всего советского пространства периода его кризиса в конце 1980-х годов.

Подобное состояние общественных настроений в Южной Осетии было обусловлено воздействием двух факторов, оказавших наиболее мощное влияние на процесс их политизации: резкие перемены в сфере грузино-осетинской межэтнической коммуникации и дилемма самоопределения, объективно формировавшаяся в силу специфики обстоятельств того периода.

В плане перемен настроений в сфере межнационального диалога с Грузией следует отметить, что изначально в югоосетинских общественных настроениях преобладали два основных вида настроений: опасения и ожидания.

Опасения в югоосетинском общественном сознании фокусировались на том обстоятельстве, что независимая Грузия вряд ли признает Южную Осетию. Подобные настроения в значительной степени явились следствием определенного негатива, имевшего место в межэтнических отношениях в недалеком прошлом (война 1920 года).

Однако были и ожидания, порожденные грузино-осетинским согласием периода 1960–1980-х годов. Осетинские авторы отмечают в этой связи, что «осетины и грузины являлись глубоко интегриро-

² Динамика социального настроения [Электронный ресурс]. URL: <http://pdnr.ru/a5244.html> (дата обращения 03.06.2020).

³ *Ольшанский Д.В.* Роль массовых настроений в политических процессах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pseudology.org/democracy/Olshansky/part02.htm>. (дата обращения 03.06.2019).

ванными группами (высокий процент осетино-грузинских и грузино-осетинских браков, незначительная социокультурная дистанция между группами, высокий показатель взаимной дисперсии)» [Цуциев 1999]. Указанное грузино-осетинское согласие отмечали и грузинские авторы, подчеркивающие, что ситуация в Южной Осетии значительно отличается от аналогичной в Абхазии и что там (в Южной Осетии. – *Авт.*) были определенные возможности для межэтнического диалога⁴.

Однако необходимо отметить, что в условиях усиления политической активности новой грузинской политической элиты и прихода к власти ее радикального крыла градус общественных настроений в Южной Осетии стал резко расти, когда «кипение национальных страстей становится фактом общественного сознания» [Нодиа 1989]. Среди причин перемен в массовых общественных настроениях следует, конечно же, обратить внимание на ситуацию, когда в общественном сознании имеет место расхождение между ожиданиями людей, имеющих какие-либо общие интересы и ценности, и возможностями их удовлетворения, производными от реальных социально-экономических условий жизни.

В этом плане можно констатировать, что резкая перемена в югоосетинских общественных настроениях произошла в силу депривации массовых ожиданий, когда грузинская позиция по «осетинскому вопросу» подтвердила осетинские опасения. Подобная перемена действительно произошла очень быстро, поскольку «в отличие от общественной психологии в целом, качественное изменение которой в силу существования привычек и традиций происходит только постепенно, настроения могут изменяться коренным образом в самый незначительный срок, почти мгновенно»⁵.

Подобные перемены привели к быстрой переориентации ценностей в сфере грузино-осетинских отношений, принявшей массовый характер, так как «при быстром и широком распространении, становясь массовыми и влиятельными, настроения подчиняют себе многие другие (а в определенных ситуациях – практически все) компоненты психики»⁶.

Наиболее существенной чертой югоосетинских массовых политических настроений в этом плане стал их отчетливо выраженный антигрузинский характер и формирование из грузинского этноса «образа врага», поскольку в результате неоправданных ожиданий могут появиться негативные стереотипы в отношении тех, кто «стоит на пути» и «мешает». Формирование образа врага, с другой стороны, приводит к консолидации собственной группы, так как подобные

⁴ Заявление пресс-секретаря Национально-демократической партии Грузии И. Сарисвили. Тбилиси, 1989. 9 дек.

⁵ Динамика социального настроения [Электронный ресурс]. URL: <http://pdnr.ru/a5244.html> (дата обращения 03.06.2020).

⁶ *Ольшанский Д.В.* Роль массовых настроений в политических процессах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pseudology.org/democracy/Olshansky/part02.htm>. (дата обращения 03.06.2019).

настроения способны также быстро спланивать людей. В результате межэтническое взаимодействие начинает функционировать и развиваться согласно общераспространенной формуле – бинарной оппозиции «мы – они».

Вторым фактором политизации югоосетинских массовых общественных настроений стала дилемма самоопределения: самоопределяться в составе Грузии или России?

С одной стороны, позиции новой грузинской политической элиты в отношении проблемы нацменьшинств убедили югоосетинское общество в абсолютной бесперспективности идеи самоопределения Южной Осетии в независимой Грузии. Более того, становилось все более очевидно, что оставаться в составе Грузии было опасно. Поэтому основной акцент в решении проблемы самоопределения постепенно стал переноситься на вариант воссоединения с Северной Осетией. По замечанию А. Зверева, «ответом южных осетин на грузинские требования было либо попытаться добиться федеративного статуса внутри Грузии, либо, если это окажется невозможным, стремиться к воссоединению с Северной Осетией, входящей в состав России» [Зверев 1996]. В пользу такого решения предрасполагала и проблема разделенности осетинского этноса.

С другой стороны, воссоединение с Северной Осетией означало вхождение в состав России, которое осознавалось как практически нереальная задача. В Южной Осетии прекрасно было известно о том, что неоднократные попытки народа и руководства Абхазии в прежние годы выйти из состава Грузии и войти в состав России не увенчались успехом. Безрезультатны были также и попытки народа и руководства Нагорного Карабаха выйти из состава Азербайджана и присоединиться к Армении. Союзный центр выступал категорически против подобных национальных проектов, опасаясь осложнений по всей территории СССР.

В силу подобных реалий дилемма самоопределения стала осознаваться в югоосетинском обществе как практически безвыходная и в значительной мере безысходная ситуация. Подобная ситуация значительно политизировала и радикализировала массовые общественные настроения в Южной Осетии.

Заключение

В итоге можно констатировать, что в период кризиса и распада СССР социально-политические процессы внутри Южной Осетии отличались существенным обострением различного рода противоречий. Так, в условиях распада СССР мы наблюдаем значительную политизацию и радикализацию югоосетинской идентичности, охватившие две основные сферы жизнедеятельности: общественное сознание и политическую жизнь. При этом политизация общественной жизни и общественного сознания в Южной Осетии была сфокусирована преимущественно на сфере межэтнической грузино-осетинской

коммуникации, вызвав в ней коренную трансформацию существовавшего на тот момент статус-кво.

В силу указанных обстоятельств югоосетинская идея национального самоопределения в условиях развала СССР и обретения грузинской независимости формировалась как достаточно радикальная по форме и сецессионистская по сути. По своим базовым установкам она свидетельствовала об актуализации в идеологической конструкции национального самоопределения Южной Осетии базовых констант: идеи независимости от Грузии, идеи вхождения в состав России и идеи воссоединения с Северной Осетией.

Литература

- Зверев 1996 – *Зверев А.* Этнические конфликты на Кавказе, 1988–1994 // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. М., 1996. С. 44.
- Нодиа 1989 – *Нодиа Г.* Нация и Демократия // Литературная Грузия. 1989. № 2. С. 150.
- Савва 2012 – *Савва Е.В.* Информационные механизмы политизации этничности (на примере Северного Кавказа) // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 115.
- Цуциев 1999 – *Цуциев А.А.* Перспективы урегулирования осетино-грузинского конфликта в Южной Осетии и вокруг нее // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления. 1999. № 2. С. 100.

References

- Nodia, G. (1989), “Natsia i Demokratia” [Nation and Democracy], *Literaturnaya Gruziya*, no. 2, p. 150.
- Savva, E.V. (2012), “Informatsionnie mehanizmi politizatsii etnichnosti (na primere Severnogo Kavkaza)” [Information mechanisms of politicization of ethnicity (on the example of the North Caucasus)], *Chelovek. Soobschestvo. Upravlenie* [Person. Community. Management], no. 1, p. 115.
- Tsutsiev, A.A. (1999), “Perspektivi uregulirovania osetino-gruzinskogo konflikta v Yuzhnoi Osetii i vokrug neye” [Prospects for the settlement of the Ossetian-Georgian conflict in and around South Ossetia], *Bulleten Tsentra sotsialnih i gumanitarnih issledovanyi Vladikavkazskogo instituta upravleniya* [The Bulletin of the Center for Social and Humanitarian Studies of the Vladikavkaz Institute of Management], no. 2, p. 100.
- Zverev, A. (1996), *Etnicheskie konfliktki na Kavkaze, 1988–1994* [Ethnic conflicts in the Caucasus, 1988–1994], *Spornie granitsi na Kavkaze* [Disputed borders in the Caucasus], B. Koppitersa (ed.) [Edited by B. Coppiters], Moscow, Russia, p. 44.

Информация об авторе

Инал Б. Санакоев, кандидат политических наук, профессор, Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Республика Южная Осетия; Республика Южная Осетия, Цхинвал, ул. В.В. Путина, д. 8; inal59@mail.ru

Information about the author

Inal B. Sanakoev, Cand. of Sci. (Political), professor, South Ossetian State University, Tshinval, Republic of South Ossetia; bld. 8, V.V. Putin's Street, Tshinval, Republic of South Ossetia; inal59@mail.ru

Российский Крайний Север: общество, города, люди

УДК 316.43

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-18-26

Актуальные вопросы изучения социальных проблем российской Арктики

Юлия В. Андреева

*Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия, yulia.andre@gmail.com*

Аннотация. Статья анализирует наиболее актуальные направления арктических исследований, которые набирают темпы в последнее время. К числу самых динамичных тематических направлений можно отнести гуманитарные аспекты развития российского Севера. В центре исследования – оценка особенностей формирования и воспроизводства человеческого капитала Арктической зоны РФ, развитие креативно-интеллектуального потенциала российских полярных городов. Автор отмечает, что важным направлением научно-исследовательских работ, проводимых в течение последнего десятилетия, стали исследования социального самочувствия населения российских северных регионов. В исследованиях социального самочувствия жителей арктического региона авторами проблематизируются ключевые «зоны неблагополучия» в системе оценок населения и, прежде всего, вопросы защищенности от тех социальных опасностей, которые население для себя обнаруживает. Резюмируя состояние арктических исследований, автор предлагает отойти от излишне локализованного освещения арктических проблем. В статье говорится о назревшей потребности в кросскультурных исследованиях и проектах межрегионального масштаба. Масштабные социологические работы, которые, на наш взгляд, имеют определенный содержательный научный потенциал, при условии того, что они будут реализованы в полной мере, похоже, сейчас находятся пока на этапе своей теоретической концептуализации и методологического поиска.

Ключевые слова: актуальные социальные проблемы, российская Арктика, методология, подходы к исследованию

Для цитирования: Андреева Ю.В. Актуальные вопросы изучения социальных проблем российской Арктики // Вопросы этнополитики. 2020. № 4. С. 18–26. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-18-26

Topical issues of studying social problems of the Russian Arctic

Julija V. Andreeva

*Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia,
yulia.andre@gmail.com*

Abstract. The article analyses the most relevant aspects of Arctic research, which are gaining momentum in recent years. The most dynamic thematic areas include the humanitarian issues of the development of the Russian North. The research focuses on the assessment of the peculiarities of the formation and reproduction of human capital in the Arctic zone of the Russian Federation the development of the creative and intellectual potential of Russian polar cities. The author notes that research into the social well-being of the population of the Russian Northern regions has become an important direction of research work carried out over the past decades. In studies of the social well-being of the inhabitant of the Arctic region, the authors problematize the key “zones of disadvantage” in the system of assessing the population, and, first of all, the issues of protection from those social dangers that the population find for itself. Summarizing the state of the Arctic research, the author proposes to move away from overly localized coverage of Arctic problems. Large-scale sociological works, which, in our opinion, have a certain substantial scientific potential, provided that they are fully implemented, it seems, are now at the stage of their theoretical conceptualization and methodological search.

Keywords: topical social problems, the Russian Arctic, methodology, approaches to research

For citation: Andreeva, Ju.V. (2020), “Topical issues of studying social problems of the Russian Arctic”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 18–26, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-18-26

Сегодня регионы Арктики находятся в центре национальных приоритетов России. Исследователи всесторонне подходят к изучению совокупности тех условий и факторов, которые обладают весомым потенциалом для обеспечения развития Арктической зоны. И, прежде всего, внимание исследователей сосредоточено на вопросах, касающихся ее освоения и промышленного развития. Разрабатываются стратегические приоритеты комплексного освоения и инфраструктурной политики [Татаркин, Литовский 2014]; размещения производительных сил с учетом пространственного развития [Лаженцев 2011, Городецкий и др. 2014], инновационной оценки территорий Арктической зоны [Гладышева 2016] и т. д. Российский Север в целом определяется как национальная стратегическая ресурсная база, которая способна обеспечить выполнение социально-экономических задач, связанных с ростом национальной экономики.

В связи с этим отдельный корпус научно-исследовательских разработок посвящен теме человеческого капитала, человеческих ресурсов российской Арктики. Как отмечается, люди, человеческий,

креативно-интеллектуальный капитал составляют сегодня главный стратегический ресурс арктических земель [Лукин 2017]. Внимание исследователей сосредоточено на изучении особенностей формирования и воспроизводства человеческого потенциала Арктической зоны РФ [Логинов 2014], на исследовании степени заселенности и экономической освоенности арктических территорий [Лыткина и др. 2017], на анализе социального потенциала северных городов [Лыткина 2014], на оценке человеческого капитала неоиндустриального освоения Арктики [Маркин, Силин 2017] и т. д. Исследователями отмечается, что опасения относительно недостаточной численности населения в районах Севера и Арктики имеют под собой основания, подчеркивается важность грамотного ведения расселенческой политики в Арктике в связи со спецификой освоения данной территории. Расселенческая политика, по мнению указанных выше авторов, подразумевает как разработку системы развития населенных пунктов, так и процесс формирования населения. В АЗ РФ вместе с традиционной формой расселения – базовыми многофункциональными городами, выполняющими административные, культурные, транспортные и другие функции, существуют и мобильные формы – вахтовые поселки для сменного персонала, а также «промежуточные» формы расселения – поселки городского типа (ПГТ), чья численность, по замечанию исследователей, неуклонно сокращается: «с 2002 г. по 2010 г. в АЗ РФ количество ПГТ сократилось с 63 до 43, а проживающее в них население – с 256,9 до 175,4 тыс. человек» [Фаузер и др. 2016, с. 46]. Специфика форм расселения в Арктической зоне заключается в том, что места приложения труда и проживания разделены большими расстояниями. В связи с этим исследователями подчеркивается важность определения статуса населенных пунктов и необходимость утверждения региональных нормативов развития социальной сферы северных локаций. Что касается расселенческой политики в части формирования населения, то авторы настаивают на поддержании стабильности человеческих ресурсов, которая на текущий момент остается все же сложно достижимой, несмотря на интенсивные миграционные потоки, устремленные в отдельные северные регионы. Вот такая динамика отмечается аналитиками: «На 1 января 2015 г. численность населения сухопутных территорий Арктической зоны составила 2391,6 тыс. человек, или 1,7% населения России. В городах и поселках городского типа проживает 2135,3 тыс. чел. (89,3%), в сельской местности – 256,3 тыс. человек (10,7%). Три арктических региона имеют численность населения свыше 500 тыс.: Мурманская область – 766,3 тыс. человек, Архангельская область – 655,1 тыс. человек, и Ямало-Ненецкий АО – 540 тыс. человек. С 2002 по 2015 г. население АЗ РФ уменьшилось с 2641,3 тыс. человек до 2391,6 тыс. человек, или на 249,7 тыс., в том числе городское – с 2355,6 до 2135,4 тыс. человек, или на 220,2 тыс. Из восьми российских регионов сухопутных территорий Арктической зоны в шести произошло уменьшение численности населения, а в двух, Ненецком и Ямало-Ненецком АО, численность населения возросла, в том числе и городского» [Фаузер и др. 2016, с. 43].

Для совершенствования расселенческой политики авторы предлагают, прежде всего, определиться с концепцией развития арктических городских поселений: «Сегодня город (даже крупный) не способен самостоятельно развиваться до такой формы, которая бы предполагала самодостаточность. ...Такой единицей развития может стать регион, а город – его ядром. При этом регион должен иметь свою питательную среду для запуска программ развития... такой питательной средой для развития арктических городов может стать сухопутная часть Арктики как единый регион комплексного развития» [Фаузер и др. 2016, с. 130]. Также для дальнейшего развития и обустройства АЗ РФ авторы предлагают использовать поселенческое регулирование. Речь идет о создании опорной сети поселений, важной с точки зрения преодоления пространственной неравномерности расселения на всех территориальных уровнях, а главное – для продолжения работ по освоению новых пространств. Для территорий с экстремально дискомфортными климатическими условиями, а также с ограниченными запасами эксплуатируемых природных ресурсов исследователи говорят о создании временных форм расселения.

Еще одним направлением научно-исследовательских работ, проводимых в течение последнего десятилетия, стали исследования социального самочувствия населения российских северных регионов. Авторами научно-исследовательских работ этого направления применяются традиционные социологические методы: проводятся массовые опросы населения, глубинные интервью, экспертные интервью, контент-анализ СМИ и мониторинг социальных сетей.

Так, на основе изучения специфики качества жизни различных групп населения – «старожилов» и «новоселов», коренных народов, вахтовиков, других участников освоения арктической территории – исследователи изучают ключевые социальные проблемы, с которыми приходится сталкиваться северному населению [Белоножка и др. 2018]. Среди наиболее актуальных проблем выделяются бедность, безработица и вероятность потери имеющейся работы, состояние здоровья и неудовлетворенность медицинским обслуживанием, неудовлетворительные жилищные условия, коррупция, ухудшение экологической ситуации. Последняя проблема, помимо воздействия на здоровье населения, также влияет на условия традиционного хозяйствования аборигенного населения. И опросы исследователей, на которых мы ссылаемся выше, показали, что более трети жителей считают основной причиной напряженности между северными этносами и пришлым населением «хищническое отношение приезжих к природе Севера» [Белоножка и др. 2018, с. 115]. Для мониторинга социальных проблем исследователи предлагают создание «информационно-социологического полигона» – процедуры сбора и анализа информации по объектам с различным уровнем социального развития территорий, индекс которого формируется путем суммирования следующих индикаторов: «здоровье», «благополучие», «образование и культура», «социальная безопасность», «социальная активность», в сравнении с эталонными значениями, синтезированными по данным различных субъектов РФ. Для арктических территорий

подобный подход, по мнению исследователей, является оптимальным, так как начавшееся масштабное освоение ресурсов арктических территорий требует комплексного научного сопровождения управленческих решений властей.

В исследованиях социального самочувствия жителей арктического региона авторами проблематизируются ключевые «зоны неблагополучия» в системе оценок населения, и прежде всего вопросы защищенности от тех социальных опасностей, которые население для себя обнаруживает [Ромашкина и др. 2015]. На основании опросов, проведенных в 2006–2013 гг., исследователи отмечают, что опасности и проблемы, являющиеся наиболее актуальными для жителей арктических регионов, в целом корреспондируются с общероссийскими: преступность, бедность, произвол чиновников и экологическая угроза. Но, как указывается авторами, уровень ощущения этих угроз имеет существенную межрегиональную дифференциацию. Так, к примеру, при почти совпадающем со среднероссийским общим уровнем незащищенности жители Ямала более остро, чем жители всей Тюменской области, воспринимают такие проблемы, как преследования за политические убеждения (29% против 22%), ущемление по этническому признаку (18% против 11%), притеснения за религиозные убеждения (18% против 12%) [Ромашкина и др. 2015]. Отмечается также, что уровень оптимизма населения достаточно высок. На примере изучения ситуации в ЯНАО представлены следующие данные: «половина жителей в той или иной степени уверены в своем будущем, 37% считают, что в текущем году они стали жить лучше, чем в прошлом, но тех, кто считает, что в ближайшем году его жизнь улучшится, стало больше на 34%». Также авторы сообщают, что динамику социального самочувствия в период с 2006 по 2013 гг. можно считать в целом позитивной [Ромашкина и др. 2015, с. 59–60].

На материалах последующих исследований, более позднего периода, 2012–2016 гг., индикаторы социального самочувствия населения Арктики выглядят менее оптимистичными [Сметанин, Сметанина 2018]. В данном исследовании авторы показывают усугубление расщепления северного населения по доходам в связи с ростом бедности. По их мнению, это то, что, прежде всего, тормозит развитие «северного человека». Сбои в механизме социального самочувствия населения возвращаются в виде экономических потерь и грозят обострением социальных рисков. Также исследователи отмечают пробелы в социально-экономической политике центра и региональных властей Арктической зоны, которые, на их взгляд, чреватны накоплением социального пессимизма и социальной апатии у населения.

Кроме содержательной стороны изучения социального самочувствия жителей российского Севера, ученых также занимают методологические вопросы реализации региональных эмпирических проектов. Так, к примеру, некоторые исследователи подходят к изучению социального самочувствия населения российского Севера в контексте изучения ценностных ориентаций [Максимов и др. 2017]. Авторы совершенно справедливо отмечают, что ценностные ориентации являются частью механизма интерпретации индивидами

своего социально-экономического и политико-правового положения. И в качестве дополнительных переменных, влияющих на состояние социального самочувствия, исследователи предлагают рассматривать личные мотивационно-ценностные характеристики (доминирующие терминальные и инструментальные ценности), а также культурно детерминированные ценностно-поведенческие императивы, которые приняты в данном конкретном сообществе. В своей статье они делают вывод о том, что эмпирические исследования социального самочувствия населения АЗ РФ нуждаются в разработке такого инструментария, который позволил бы интегрировать три группы индикаторов: 1) отражающих социально-экономическое положение жителей российской Арктики; 2) отражающих их субъективные оценки личного и социального благополучия; 3) отражающие ценностные ориентации, опосредующие связь между переменными первой и второй групп.

Еще одним исследованием, в котором поднимается проблематика методологического поиска релевантного способа комплексного измерения социального положения жителей арктических территорий, является проект по разработке методики расчета интегральных индексов для измерения этнополитических и этносоциальных процессов с учетом конкретных особенностей выбранного для обследования региона АЗ РФ [Максимов и др. 2018]. Данный проект носит в большей степени теоретический, нежели прикладной характер. Авторы обращают внимание на то, что инструментарий количественных социологических исследований межнациональных и межконфессиональных отношений необходимо адаптировать для отдельных крупных культурно-исторических групп регионов, как в случае с российской Арктикой, где важным субъектом этнонациональной политики являются коренные малочисленные народы Севера. Поэтому авторы предлагают введение дополнительных индикаторов, отражающих их культурное развитие и участие в этнополитических отношениях. Для анализа динамики этнических компонентов социальной системы региона предлагается набор категорий, с помощью которых исследователи полагают описать конфигурации основных этнических акторов и дать характеристику состоянию политических и культурных институтов.

Резюмируя анализ ключевых вопросов, касающихся актуальных социальных проблем российской Арктики, необходимо отметить: в своем содержательном смысле имеющиеся (и доступные с информационной точки зрения) проекты главным образом имеют локальное значение. Несмотря на применение количественной методологии массовых опросов, они тем не менее проводятся на отдельных выборках отдельных северных территорий. С одной стороны, это объяснимо, так как исследователи отмечают самобытность и своеобразие социальных сред северных и арктических локаций. По этой причине универсальный исследовательский инструмент подобрать трудно. С другой стороны, существует очевидный запрос на кросскультурные исследования и проекты межрегионального масштаба. Имеющиеся в доступе исследования выполняют скорее подкрепляющую функцию для принятия (уже утвержденных) административных управлен-

ческих решений и в этом смысле ориентированы на узкоприкладные задачи. Масштабные социологические работы, которые, на наш взгляд, имеют определенный содержательный научный потенциал, при условии того, что они будут реализованы в полной мере, похоже, сейчас находятся пока на этапе своей теоретической концептуализации и методологического поиска. Мы полагаем, что сегодня назрела необходимость реализации межрегиональных и сравнительных социологических исследований в российской Арктике, которые проводились бы по согласованной методике. Масштаб их проведения, безусловно, требует значительных временных затрат, высокого качества менеджмента и исследовательской (командной) консолидации, а также достаточного уровня инвестиций для реализации.

Литература

- Белоножко и др. 2018 – *Белоножко М.Л., Силин А.Н., Барбаков О.М., Джорджинян А.С.* Социальные проблемы в самооценках населения арктической зоны России // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 112–117.
- Городецкий и др. 2014 – *Городецкий А.Е., Иванов В.В., Филин Б.Н.* Правовые и методические проблемы стратегического планирования развития арктических регионов России // Арктика: экология и экономика. 2014. № 4 (16). С. 4–13.
- Лаженцев 2011 – *Лаженцев В.Н.* Север России: размещение производительных сил и пространственное развитие [Электронный ресурс] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sever-rossii-razmeschenie-proizvoditelnyh-sil-i-prostranstvennoe-razvitiye> (дата обращения 16.10.2020).
- Логинов 2014 – *Логинов В.Г.* Человеческий потенциал Арктической зоны Российской Федерации: особенности формирования и воспроизводства // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера–2014: Материалы Четвертого Всероссийского научного семинара: В 2 ч. Сыктывкар: ООО «Коми респ. типография», 2014. С. 72–80.
- Лукин 2017 – *Лукин Ю.Ф.* Многомерность пространства Арктики. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 250 с. [Электронный ресурс]. URL: http://arcticandnorth.ru/Encyclopedia_Arctic/Mnogomernost.pdf (дата обращения 15.09.2020).
- Лыткина 2014 – *Лыткина Т.С.* Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журн. социологии и соц. антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 33–47.
- Лыткина и др. 2017 – *Лыткина Т.С., Смирнов А.В., Фаузер В.В.* Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 18–31. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-18-31.
- Максимов и др. 2017 – *Максимов А.М., Малинина К.О., Блынская Т.А., Балицкая С.М.* Методологические и методические аспекты изучения социального самочувствия населения Арктической зоны Российской Федерации в контексте его ценностных ориентаций [Электронный ресурс] // АИС. 2017. № 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-i-metodicheskie-aspekty-izucheniya-sotsialnogo-samochuvstviya-naseleniya-arkticheskoy-zony-rossiyskoy-federatsii-v> (дата обращения 09.10.2020).

- Максимов и др. 2018 – Максимов А.М., Верещагин И.Ф., Задорин М.Ю. Методические проблемы эмпирических исследований этнополитических и этносоциальных процессов в регионах российской Арктики [Электронный ресурс] // Арктика и Север. 2018. № 30 (Электронный научный журнал). С. 97–119. URL: http://www.arcticandnorth.ru/upload/uf/4f9/AiS_30.pdf (дата обращения 09.10.2020).
- Маркин, Силин 2017 – Маркин В.В., Силин А.Н. Человеческий и социальный потенциал неиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 75–88.
- Разработка стратегии освоения и системного развития северных, полярных и арктических территорий / Под общ. ред. акад. РАН А.И. Татаркина. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. 510 с.
- Ромашкина и др. 2015 – Ромашкина Г.Ф., Крыжановский О.А., Ромашкин Г.С. Оценка составляющих социального самочувствия населения Арктического региона // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 58–63.
- Сметанин, Сметанина 2018 – Сметанин А.В., Сметанина Л.М. Социальное самочувствие населения Арктики, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://goarctic.ru/live/sotsialnoe-samochuvstvie-naseleniya-arktiki/> (дата обращения 15.09.2020).
- Татаркин, Литовский 2014 – Татаркин А.И., Литовский В.В. Россия в Арктике: стратегические приоритеты комплексного освоения и инфраструктурной политики // Вестн. Мурман. гос. техн. ун-та. Соц.-экон. науки. 2014. Т. 17. № 3. С. 573–587.
- Фаузер 2016 – Фаузер В.В. Расселение населения в российской Арктике: теория и практика / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: Сб. статей. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург, 2016. С. 126–132.

References

- Belonozhko, M.L., Silin, A.N., Barbakov, O.M., Gyurdzhinyan, A.S. (2018), “Social’nye problemy v samoocenках naseleniya arkticheskoy zony Rossii”, *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 112–117.
- Fauzer, V.V. (2016), “Rasselenie naseleniya v rossijskoj Arktike: teoriya i praktika”, *Dinamika i inercionnost’ vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokolenij v Rossii i SNG: VII Ural’skij demograficheskij forum s mezhdunarodnym uchastiem: sbornik statej*, vol. 1: Sociologiya i istoriya vosproizvodstva naseleniya Rossii, Ekaterinburg, Russia, pp. 126–132.
- Gorodeckij, A.E., Ivanov, V.V., Filin, B.N. (2014), “Pravovye i metodicheskie problemy strategicheskogo planirovaniya razvitiya arkticheskikh regionov Rossii”, *Arktika: ekologiya i ekonomika*, no. 4 (16), pp. 4–13.
- Lazhencev, V.N. (2011), “Sever Rossii: razmeshchenie proizvoditel’nyh sil i prostranstvennoe razvitie”, *Ekonomicheskie i social’nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, no. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sever-rossii-razmeshchenie-proizvoditelnyh-sil-i-prostranstvennoe-razvitie> (accessed 16.10.2020).
- Loginov, V.G. (2014), “Chelovecheskij potencial Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii: osobennosti formirovaniya i vosproizvodstva”, *Aktual’nye problemy, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditel’nyh sil Severa-2014: Materialy Chetvertogo*

- Vserossijskogo nauchnogo seminara*, OOO Komi resp. tipografiya, Syktyvkar, Russia, pp. 72–80.
- Lukin, Yu.F. (2017), “Mnogomernost’ prostranstva Arktiki”, SAFU im. M.V. Lomonosova, Arhangel’sk, Russia, 250 p., [Elektronnyj resours], available at: http://arcticandnorth.ru/Encyclopedia_Arctic/Mnogomernost.pdf (accessed 15.09.2020).
- Lytkina, T.S. (2014), “Social’nyj potencial severnogo goroda: ot ignorirovaniya k priznaniyu”, *Zhurn. sociologii i soc. antropologii*, vol. 17, no. 3, pp. 33–47.
- Lytkina, T.S., Smirnov, A.V., Fauzer, V.V. (2017), “Differenciaciya arkticheskikh territorij po stepeni zaselenosti i ekonomicheskoj osvoennosti”, *Arktika: ekologiya i ekonomika*, no. 4 (28), pp. 18–31, DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-18-31.
- Maksimov, A.M., Malinina, K.O., Blynskaya, T.A., Balickaya, S.M. (2017), “Metodologicheskie i metodicheskie aspekty izucheniya social’nogo samochuvstviya naseleniya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii v kontekste ego cennostnyh orientacij”, *AiS*, no. 29, [Elektronnyj resours], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-i-metodicheskie-aspekty-izucheniya-sotsialnogo-samochuvstviya-naseleniya-arkticheskoy-zony-rossijskoj-federatsii-v> (accessed 09.10.2020).
- Maksimov, A.M., Vereshchagin, I.F., Zadorin, M.Yu. (2018), “Metodicheskie problemy empiricheskikh issledovanij etnopoliticheskikh i etnosocial’nyh processov v regionalah rossijskoj Arktiki”, *Arktika i Sever*, no. 30 (Elektronnyj nauchnyj zhurnal), pp. 97–119 [Elektronnyj resours], available at: http://www.arcticandnorth.ru/upload/uf/4f9/AiS_30.pdf (accessed 09.10.2020).
- Markin, V.V., and Silin, A.N. (2017), “Chelovecheskij i social’nyj potencial neoindustrial’nogo osvoeniya Arktiki: sociologicheskij analiz, modelirovanie, regulirovanie”, *Ekonomicheskie i social’nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 10, no. 6, pp. 75–88.
- Romashkina, G.F., Kryzhanovskij, O.A., Romashkin, G.S. (2015), “Ocenka sostavlyayushchih social’nogo samochuvstviya naseleniya Arkticheskogo regiona”, *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie)*, vol. 6, no. 4, pp. 58–63.
- Smetanin, A.V. and Smetanina, L.M. (2018), *Social’noe samochuvstvie naseleniya Arktiki*, [Elektronnyj resours], available at: <https://goarctic.ru/live/sotsialnoe-samochuvstvie-naseleniya-arktiki/> (accessed 15.09.2020).
- Tatarkin, A.I. and Litovskij, V.V. (2014), “Rossiya v Arktike: strategicheskie priority kompleksnogo osvoeniya i infrastrukturnoj politiki”, *Vestn. Murman. gos. tekhn. un-ta. Soc.-ekon. nauki*, vol. 17, no. 3, pp. 573–587.
- Tatarkina, A.I. (ed.) (2014), *Razrabotka strategii osvoeniya i sistemnogo razvitiya severnyh, polyarnyh i arkticheskikh territorij*, In-t ekonomiki UrO RAN; Nestor-Istoriya, Ekaterinburg; SPb., Russia, 510 p.

Информация об авторе

Юлия В. Андреева, кандидат психологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия; 432970, Россия, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42; yulia.andre@gmail.com

Information about the author

Julija V. Andreeva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia; bld. 42, Lev Tolstoy Street, Ulyanovsk, Russia, 432970; yulia.andre@gmail.com

Социально-экономические и ресурсные факторы появления сетевого протеста коренных народов российского Севера (на примере ЯНАО)

Арбахан К. Магомедов

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, e-mail armagomedov@gmail.com*

Масахиро Токунага

*Университет Кансай Осака, Япония,
tokunaga@kansai-u.ac.jp*

Аннотация. В статье исследуются социальные изменения в среде ямальских оленеводов, породившие феномен сетевого протестного сообщества «Голос тундры». Авторы предлагают пересмотреть устоявшийся подход к социальным процессам среди ненецких тундровых аборигенов. Опираясь на материалы полевых исследований 2017, 2018 и 2019 гг., проведенных в Ямало-Ненецком автономном округе (далее – ЯНАО), авторы сформулировали «ямальский парадокс». Реальные причины «ямальского парадокса» обусловлены накопившимися проблемами, которые не находили адекватного разрешения в течение долгого времени. В первую очередь это безработица среди коренной молодежи при демографическом росте среди ненцев. К этому можно добавить неопределенность жизненных перспектив кочевых оленеводов в атмосфере ускоренного промышленного освоения региона, а также кризис аборигенного лидерства и официальных организаций коренных народов. Демографический рост среди ненецких оленеводов и двукратное увеличение оленьего стада в сочетании с интенсивным промышленным освоением региона привели к тому, что в ямало-ненецкой тундре столкнулись интересы набирающего силы топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) и растущих сообществ коренных народов. Фундаментальной предпосылкой непреднамеренной конфликтной ситуации стал земельно-ресурсный вопрос. Он был связан с отчуждением и промышленным освоением тундровых земель, которые аборигены использовали в качестве пастбищ на протяжении столетий. Полученные результаты позволили показать процесс переоценки ключевых проблем и вызовов, возникших перед общинами аборигенов в связи со стремительным превращением ЯНАО в новую нефтегазовую провинцию России. Эта переоценка и изменение сознания коренных народов заложили потенциал аборигенного протеста, способом выражения которого стали «новые медиа», такие как соцсети «ВКонтакте».

Ключевые слова: «ямальский парадокс», Ямало-Ненецкий автономный округ, аборигены Арктики, трансформация коренных сообществ, социальные предпосылки протеста, «Голос тундры»

Для цитирования: Магомедов А.К., Токунага М. Социально-экономические и ресурсные факторы появления сетевого протеста коренных народов российского Севера (на примере ЯНАО) // Вопросы этнополитики. 2020. № 4. С. 27–40. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-27-40

Socio-economic and resource factors of the emergence of network protest of the indigenous peoples of the Russian North (on the example of YANAO)

Arbakhan K. Magomedov

*Moscow state Linguistic University, Moscow, Russia,
armagomedov@gmail.com*

Masahiro Tokunaga

*Kansai University, Osaka, Japan,
tokunaga@kansai-u.ac.jp*

Abstract. The article examines social changes among reindeer herdsmen in Yamal that have provided the phenomenon of online opposition community “the Voice of Tundra”. The prevailing approach to social processes among Nenets tundra native people should be reconsidered according to the authors of the article. Based on the inputs provided with the help of field studies performed in Yamal-Nenets Autonomous Okrug (YNAO) in 2017–2019 the authors have formulated “the Yamal paradox”. The real reasons for the “Yamal paradox” are due to accumulated problems that have not been adequately resolved for a long time. First of all, it is unemployment among indigenous youth with a demographic growth among the Nenets. To this we can add the uncertainty of the life prospects of nomadic reindeer herders in the atmosphere of accelerated industrial development of the region, as well as the crisis of indigenous leadership and official organizations of indigenous peoples. Population growth among Nenets reindeer herdsmen, doubling of reindeer in number and intense industrialization of the region as well have led to a clash in interest of expanding fuel and energy complex and growing nomadic populations. The fundamental precondition of the unintended conflict was the land-resource issue. It was associated with the alienation and industrial development of the tundra lands, which the natives used as pastures for centuries. The process of re-valuation of the key issues and challenges that communities of indigenous people have come across as a result of quick transformation of YNAO into the new oil-and-gas province of Russia can be demonstrated due to the outcomes achieved. Re-valuating and attitudinal changing of native people have contributed to indigenous resistance. New media such as social network “VKontakte” have become a means of transmitting indigenous voice and anxiety.

Keywords: “Yamal paradox”, the indigenous peoples of the Arctic, social backgrounds of the protest, “The Voice of Tundra”, Yamalo-Nenets autonomous district

For citation: Magomedov, A.K., Tokunaga, M. (2020), “Socio-economic and resource factors of the emergence of network protest of the indigenous peoples of the Russian North (on the example of YANAO)”, *Issues of Ethnopolitics*, 2020, no. 4, pp. 27–40, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-27-40

Исследователями отмечается тот факт, что политикой по защите интересов коренных народов занимаются преимущественно городские жители, которые имеют хорошее образование и возможность представлять интересы аборигенов на региональном, национальном и международном уровнях. Население же, занятое традиционным хозяйством, часто лишено возможности такого участия и в принципе не включено в данные политические процессы [Владимирова 2015; Balzer 2015]. Однако события последних лет показали, что это мнение ошибочно, поскольку не отражает всей полноты и динамики жизни коренных сообществ российского Севера.

События в ямальской тундре 2013–2016 и 2018 гг. породили новое и интересное явление в жизни коренных народов российской Арктики – массовую протестную группу «Голос тундры»¹, сформированную по сетевому принципу. Вопросы, поднимаемые «Голосом тундры», вызвали широкий общественный резонанс в арктических регионах России с момента появления группы в 2016 г. Главной отличительной особенностью этого движения стало то, что протестная коммуникация его сторонников осуществляется через социальную сеть «ВКонтакте». Другой особенностью является тот факт, что протест возглавил не образованный городской активист, а 28-летний житель поселка по имени Ейко Сэротэтто, связанный с тундровым оленеводством. Перед нами необычный пример сельской протестной группы, которая использует социальные сети для публичной коммуникации и протестной самоорганизации. Мы не рассматриваем политический аспект описываемых процессов, содержание паблика «Голос тундры», так же как нюансы организационной работы протестной группы. Цель исследования – выявить социальные основания указанного протеста. Главные вопросы статьи: какие социальные процессы в аборигенной среде привели к появлению «Голоса тундры»? Какие перемены в сообществах коренных народов Крайнего Севера скрываются за этим феноменом? Продвигает ли этот проект более широкие цели индигенного развития в России, или его можно рассматривать лишь как протестный эпизод? Для того чтобы ответить на эти вопросы, мы провели четыре полевых исследования в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) в сентябре 2017 г., октябре-ноябре 2018 г., мае 2019 г., а также ноябре 2019 г. Как результат в основу данной статьи легли главным образом материалы качественных исследований, полученные из «первых рук»: интервью и фокус-группы с лидерами коренных народов, с рядовыми оленеводами из тундры Ямальского и Приуральского районов ЯНАО, а также с региональными экспертами и управленцами. Помимо этого используются окружная статистика, законодательные акты ЯНАО в отношении коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС), региональные СМИ.

¹ Голос Тундры [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/golos_tundry (дата обращения 01.06.2020).

*Давление на среду обитания
и образ жизни коренных народов:
аборигенные сообщества Ямала
перед вызовами последнего десятилетия*

Объектом исследования является Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) – регион, оказавшийся на острие российского нефтегазового освоения и претерпевший невероятно стремительную по сравнению с другими полярными регионами трансформацию за последние десять лет. Для того чтобы лучше понять смысл и логику описываемых событий, нам необходимо особо выделить своеобразие изучаемого региона. Дело в том, что ЯНАО резко отличается от других северных регионов и тем самым представляет собой особую версию российского сырьевого капитализма. В отличие от таких территорий, как, например, Саха (Якутия), Кузбасс, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и др., это совсем молодой ареал сырьевого освоения с таким многообещающим сектором экономики, как газодобыча и производство сжиженного природного газа (СПГ). Как следствие одним из результатов подобной трансформации стало то, что регион стал олицетворением острых социальных противоречий по линии взаимоотношений «коренные сообщества – нефтегазовые компании / государство».

Можно отметить два ключевых внешних фактора, которые определили двойное давление на локальную экосистему и образ жизни коренных народов: промышленно-технологическое и климатическое.

Суть промышленно-технологического воздействия заключается в том, что ЯНАО за короткий срок превратился в новую нефтегазовую провинцию России. Округ оказался в центре масштабных газовых и транспортных проектов: начиная от таких объектов, как «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ» с их быстрорастущей инфраструктурой до транспортного мегапроекта «Северный морской путь» (СМП). Это привело не только к изменению первоначального природного ландшафта, но и к тому, что из сферы традиционного природопользования и оленеводства изымаются немалые площади оленьих пастбищ и охотничьих угодий. Однако кроме отвода земель под месторождения и вахтовые поселки, данный процесс сопровождается строительством железных и автомобильных дорог, что также ведет к загрязнению и деградации тундровых пространств. Данные процессы, как будет показано, привели к возникновению новой проблемы на Ямале: нехватке земли и обострению соперничества за этот ценный ресурс.

Суть климатического давления состоит в заметных природных изменениях, оказывающих отрицательное воздействие на экосистему Арктики. Ученые из лаборатории «БиоГеоКлим» Томского государственного университета, работавшие в ЯНАО, отметили два эффекта, вызванные глобальным потеплением: явный тренд к «озеленению» Арктики и осязаемое изменение биоразнообразия в регионе². Из-

²В Арктической зоне Российской Федерации озера превращаются в болото [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский Томский

менение климата в сочетании с сокращением пастбищ и чрезмерно возросшим поголовьем оленей начало оказывать серьезное влияние на жизнь коренного населения Арктики. Если вкратце перечислить социально-экологические последствия, вызванные, помимо всего прочего, климатическими изменениями, то картина окажется достаточно драматичной. Так, зимой 2013/14 г. случился сильный гололед, который повлек за собой массовый падеж оленей (погибло примерно 90 тыс. голов). Летом 2016 г. рекордная жара в округе в сочетании с избыточным количеством поголовья оленей привели к эпидемии сибирской язвы. Весной 2018 г. из-за погодных условий (поздняя и холодная весна в сочетании с гололедом) и нехватки пастбищ случился новый падеж животных [Колесников и др. 2018].

Таким образом, масштабы внешнего воздействия на коренные народы Севера, на их организации, их образ жизни и среду обитания оказались колоссальны. Не менее драматично происходили социально-экономические процессы внутри аборигенного сообщества ЯНАО. Указанные изменения, по мере своего накопления, оказали значительное воздействие на появление вышеуказанных протестных настроений.

«Ямальский парадокс»:

между психологией кочевников и новыми социально-экономическими реалиями.

Внутренние трансформации коренных сообществ

Одновременно с вышеописанными изменениями происходили важные процессы в аборигенной среде. В первую очередь, речь идет о демографическом подъеме среди тундровых ненцев. Этот подъем, в свою очередь, сопровождался двукратным увеличением оленьего поголовья на полуострове Ямал за последние двадцать лет. Ниже в таблице представлена динамика роста численности кочующего населения и количества частных оленеводческих хозяйств ЯНАО.

Таблица 1

Рост численности кочующего населения и увеличение количества частных оленеводческих хозяйств ЯНАО³.

Дата	Численность кочующего населения, тыс. чел.	Количество частных хозяйств оленеводов
01.01.2002	12,5	2218
01.01.2007	13,2	2788
01.01.2012	14,7	3054
01.01.2019	16,5	4554

рос. ун-т. 2019. 10 июня. URL: <http://www.tsu.ru/news/v-arkticheskoy-zone-rtf-ozera-prevrashchayutsya-v-b/> (дата обращения 10.10.2019).

³Данные предоставлены президентом общественной организации «Ямал – потомкам!», депутатом Законодательного собрания ЯНАО Эдуардом Яунгадом. Интервью с ним 27.11.2019 г. Салехард, ЯНАО.

Данные таблицы свидетельствуют о почти двукратном увеличении количества частных оленеводческих хозяйств и более чем двукратном повышении численности кочующего населения. Подобные показатели намного выше в таких районах округа, как Тазовский и Ямальский, где реализуются масштабные газовые и транспортные проекты.

На таком фоне весьма странно смотрятся оценки специалистов о социальных процессах среди ямальских тундровых аборигенов. Так, некоторые наблюдатели и исследователи отмечают, что тяготы оленеводческого труда, не гарантирующего стабильного дохода для семьи, нехватка женщин в тундре («проблема невест»), а также холодный климат создают предпосылки для того, чтобы ненцы уезжали из родных мест. В частности, ямальские ученые С.М. Зуев, В.А. Кибенко, Е.А. Сухова подчеркивают, что «большинство родителей из числа оленеводов желают, чтобы их дети получили высшее образование... и мало кто из них хотел бы, чтобы их дети вернулись в тундру» [Зуев, Кибенко, Сухова 2017], а австралийская журналистка С. Робертс пишет, что «многие ненцы уезжают из этих мест, так как современная Россия предлагает ненцам возможность для успешной ненецкой карьеры»⁴. Рассуждая таким образом, исследователи добросовестно констатируют лишь один из ракурсов традиционного образа жизни ненецкого народа – трудности кочевой жизни в тундре. Но они не объясняют причину столь нелогичной ситуации: если, по их мнению, желающих уехать из тундры в более комфортную городскую среду все больше, то почему в самой тундре от ненцев и их оленей становится все теснее?

Приведенные выше факты отражают явление, которое мы называем «ямальским парадоксом». В самом деле, если задаться вопросом: в чем причина появления протестной группы «Голос тундры» (?), то можно столкнуться с парадоксальной ситуацией. На Ямале нет атмосферы безысходности, как во многих депрессивных регионах России. Напротив, уникальность ЯНАО заключается в том, что это единственный регион Крайнего Севера России, где коренное население (главным образом ненцы) сохранило кочевой образ жизни. В итоге по поголовью северных оленей ЯНАО занимает ведущее положение не только в России, но и в мире (765 тыс. голов в настоящее время). В связи со сказанным возникает следующий вопрос: если налицо демографический подъем среди ненцев, если растет численность оленеводов и поголовье оленей, если идет возрождение национальной культуры и семейных традиций, то откуда взялся протест, выражаемый группой «Голос тундры»?

Предпосылки появления протестной группы «Голос тундры», а также драматизм и конфликтный потенциал описываемой ситуации указал в своем интервью видный ямальский политик, бывший спикер парламента ЯНАО, а ныне президент Совета ассоциации

⁴ Roberts S. A Warm Welcome: the Siberian Reindeer Herders Opening Their Tents to Tourists // Financial Times. 2017. 9 July. URL: <https://www.ft.com/content/74c7598c-5da1-11e7-b553e2df1b0c3220> (дата обращения 12.07.2017).

«Оленеводы мира» Сергей Харючи: «В ямальской Арктике идут стремительные перемены. Небывальными темпами развивается добыча и производство природного газа. Можно говорить о том, что мы сейчас переживаем вторую волну освоения российского Севера. К сожалению, руководители нефтегазовых компаний и инфраструктурных предприятий не сильно заинтересованы в сохранении среды обитания коренных народов. Конечно, громко об этом они не говорят, но мы видим по их действиям. Это касается нарушения природоохранного законодательства, вопросов отторжения тундровых угодий, которые были пастбищами для оленей, а также загрязнения почвы и водоемов. Коренное население очень тонко чувствует эти изменения и их вредное воздействие на природу. Мы не можем противодействовать всевозрастающему промышленному давлению на среду обитания. Наша слабость заключается в малочисленности нашего народа, в отсутствии юристов среди ненцев и в целом слабой правовой культуре коренного населения».

Если вернуться к «ямальскому парадоксу», то местные эксперты и активисты из числа КМНС по-разному объясняют причины того, почему тундровые ненцы предпочитают вести традиционный образ жизни вместо того, чтобы стремиться к благам цивилизации. Самое экзотическое объяснение – психологическое – дал ветеран коллективного оленеводства Ямала Михаил Окоэтэто: «Мы, ненцы и наш ненецкий народ, отстали психологически. В чем это выражается? В том, что народ выбирает не цивилизационные блага, а хочет оставаться в традиционных ориентирах, таких как тундра, олени, кочевые маршруты... Со стороны это может показаться странным: ненцы идут обратно в тундру, а не из тундры в города. Думаю, что для ненцев важны такие вещи, как простор воля, свобода. Все это можно сегодня найти только в тундре. Я не считаю, что это хорошо, так как это приводит к этнической и территориальной замкнутости. Нашему ненецкому обществу нужно больше образованных людей, в частности геологов, ученых, юристов, инженеров. Нам нужно талантливых представителей коренных народов с помощью государства продвигать в нефтегазовый сектор, но, к сожалению, мы заикнулись на тундре»⁵.

Реальные причины ухода ненцев в тундру весьма прозаичны и не всегда связаны с кочевой романтикой. Объясняются они главным образом тем, что нет гарантий трудоустройства и занятости для коренной молодежи (этот фактор будет отмечен в дальнейшем анализе как одна из проблем, которая беспокоит коренные сообщества). Лучше всех эту ситуацию обрисовал Сергей Харючи: «Отсутствие работы является главным бичом для молодежи коренных народов. Именно безработица порождает протестные настроения. Думаю, что дальше станет только хуже. Давайте спросим себя: почему в тундре растет поголовье оленей? Ответ очевиден: потому что увеличивается численность кочующих семей. А почему растет число тундровых хозяйств? Да потому что коренная молодежь, даже те из них, кто обучался в колледже или институте, не находят себе работы. И что мы

⁵ Материалы фокус-группы – 1. Салехард, 23.10.2018.

имеем в результате? Уход ненцев, в том числе молодежи, в тундру. Все же очевидно: до тех пор, пока мы не решим проблему занятости, мы ничего не добьемся в плане социальной стабилизации в ямальской тундре»⁶.

Все это говорит о том, что именно безработица и социально-профессиональная неустроенность не оставляют коренной молодежи другого шанса, кроме ухода в тундру и занятия оленеводством.

*Ответ тундры на вызовы последнего десятилетия:
пересмотр и переоценка аборигенных проблем
со стороны коренного населения*

Стремительные перемены в ЯНАО, связанные с ускоренными темпами освоения северных территорий, с одной стороны, и демографическим ростом среди ненцев – с другой, привели к тому, что в тундре столкнулись интересы набирающего силу ТЭК и растущих сообществ коренных народов. Причиной непреднамеренной конфликтной ситуации стал земельно-ресурсный вопрос. Он был связан с отчуждением и промышленным освоением тундровых земель, которые аборигены использовали в качестве пастбищ на протяжении долгого времени. Данная коллизия следующим образом оценивалась респондентами на фокус-групповой дискуссии: «Самая большая проблема, связанная с коренными народами Ямала, это земельный вопрос. В вестибюле здания, где располагается правительство края, есть карта нефтегазового освоения нашего региона. Там показана картина того, сколько земли стали занимать предприятия ТЭК на последние тридцать лет. А ведь это бывшие родовые пастбища оленеводов. Теперь туда ненцам нельзя заходить. Простым кочевникам непонятна эта “кухня”: как большие участки тундры переходят к газовикам – происходит ли это с помощью аукциона или через конкурс. Проблема не в том, что оленеводы разводят и содержат большие стада животных. Проблема в другом: тундровой земли становится все меньше для использования. Но где эта земля? Вот что должно волновать сегодня и простых оленеводов, и органы власти»⁷.

Мы не исследуем юридический аспект потенциального конфликта между предприятиями ТЭК и оленеводами. Можем только отметить, что на сегодняшний день не существует правового закрепления за представителями КМНС тех земель, которые когда-то считались родовыми пастбищами. В правовом отношении земля является государственной, а отчуждение тундровых земель под промышленные нужды происходит по конкурсу через процедуру аукционов, что является обоснованным с юридической точки зрения. Однако именно в этом месте КМНС чувствуют себя бессильными перед аукционной «машиной» и практиками российского сырьевого капитализма.

⁶ Интервью с Харючи С.Н. Салехард, 13.11.2019.

⁷ Материал фокус-группы – 1. Салехард, 29.10.2018, Салехард, 01.12.2019.

Исследования российских этнологов и социологов позволяют говорить о том, что широко распространенные представления промышленников о «ничейной» земле порождают недовольство кочевников-ненцев [Российская Арктика 2016; Тулаева, Тысячнюк 2017]. По словам приуральских и ямальских оленеводов, а также региональных управленцев и экспертов, самая большая проблема, с которой они столкнутся в ближайшем будущем, – нехватка пастбищ, которые отгораются под промышленные нужды⁸.

Результатом описываемых изменений стала кардинальная переоценка со стороны коренных народов основных проблем, стоящих перед ними. Социолог Ольга Мурашко в 2010 г. провела социологическое исследование о том, что беспокоит кочевников Ямальского района. Исследование выявило следующие проблемы, стоящие перед ненцами оленеводами:

- 1) алкоголизм;
- 2) межэтнические конфликты, связанные с произвольным и вызывающим поведением работников нефтегазовых компаний;
- 3) коренным народам трудно получить среднее и высшее образование, особенно в инженерной сфере, а также специализированную техническую подготовку, несмотря на обещания решить этот вопрос;
- 4) проблемы с транспортной доступностью отдаленных территорий и земель традиционного пользования, частое нарушение маршрутов оленьих миграций из-за появления новых поселков, дорог и трубопроводов;
- 5) осквернение и разрушение могильников и священных мест аборигенов работниками нефтегазовых предприятий;
- 6) обострилось чувство незащитности и изоляции аборигенов на фоне уменьшения количества инстанций, куда коренные народы могли бы обращаться с жалобами [Balzer 2015].

Наши исследования в ЯНАО в 2017–2019 гг. показали кардинальное изменение восприятия и осмысления проблем, стоящих перед коренными народами. Результаты были получены через ответы ненцев на вопрос: «Чем отличаются проблемы коренных народов сегодня от тех проблем, которые стояли перед ними 10–15 лет назад?» Выяснилось, что основные проблемы, которые тревожат коренные народы, сегодня представлены совсем другими пунктами:

- 1) недостаток тундровых пастбищ для растущего поголовья оленей. Отчуждение земель в пользу предприятий ТЭК;
- 2) народу нужны эффективные лидеры, которые могут защищать интересы коренных аборигенов. У народа должен быть собственный голос;

⁸Материалы фокус-группы – 3. Салехард, 26.10.2018; Интервью с Тимуром Акчуриным, исполнительным директором «Союза оленеводов Ямала». Салехард, 24.10.2018; Интервью с Геннадием Кельчиным, главным редактором хантыйской газеты «Лух авт». Салехард, 11.11.2019.

- 3) молодежь коренных народов страдает от безработицы и проблем с трудоустройством. Она вынуждена идти в тундру и заниматься оленеводством, что приводит к увеличению оленьего стада и нагрузке на тундру;
- 4) нехватка женщин в тундре, создающая «проблему невест»;
- 5) проблема сохранения языков и культуры коренных народов;
- 6) проблемы, связанные с необходимостью доказывать принадлежность к коренным народам;
- 7) неразвитость транспортной инфраструктуры для отдаленных территорий.

Здесь необходимо признать, что сравнение результатов исследования О. Мурашко и собственно авторских может вызвать резонные вопросы и сомнения у широкого круга читателей, поскольку непонятно, какие методики были использованы московским социологом, задавались ли те же самые вопросы и какова была выборка респондентов. Тем не менее считаем, что данное сравнение, несмотря на вероятное различие методик, демонстрирует значительный сдвиг в сознании тундровых аборигенов. Мы видим абсолютно новые проблемы, вставшие перед коренными народами ЯНАО за последние годы: дефицит земли и кризис лидерства («у народа должен быть собственный голос»). Полученные ответы отражают новые реалии жизни аборигенных сообществ: 1) произошла трансформация как условий жизни, так и сознания ненцев; 2) коренные народы оказались без реальных лидеров и институтов, которые занимались бы разрешением конфликтов и защитой их прав. Последний аспект является решающим в современных условиях. Хотя, к сожалению, не существует специальных исследований, посвященных уровню удовлетворенности коренных народов деятельностью организаций, призванных защищать их интересы. Причина отсутствия таких опросов понятна: власти такие работы не поддержат, так как это угрожает репутации и статусу официальных аборигенных организаций, поддерживаемых государством. Однако в интервью многие респонденты из числа ненцев говорили, что существующие официальные организации КМНС и их руководители плохо защищают права и интересы аборигенов. Данная ситуация отражена в ответах, которые дали тундровые ненцы на вопрос: «На кого Вы больше всего рассчитываете в решении своих проблем в экстремальных условиях?» Ответы оказались следующими: 1) 70% опрошенных склонны полагаться только на свои силы, а также на поддержку родственников и друзей; 2) 17% респондентов, помимо этого, могут надеяться на помощь организаций, представляющих интересы коренных народов; 3) при этом только 13% опрошенных рассчитывают на федеральные, региональные и местные органы власти.

Наша оценка с небольшой разницей в нюансах совпадает с результатами социологического исследования, проведенного в 2019 г. региональным «Центром изучения Арктики». На вопрос «От кого Вы ждете помощи?» оленеводы Ямала ответили: «Главным образом полагаемся на себя, потом на родственников и друзей. Меньше на

власть и почти никаких надежд не оставляем общественным организациям, представляющим малочисленные аборигенные народы»⁹.

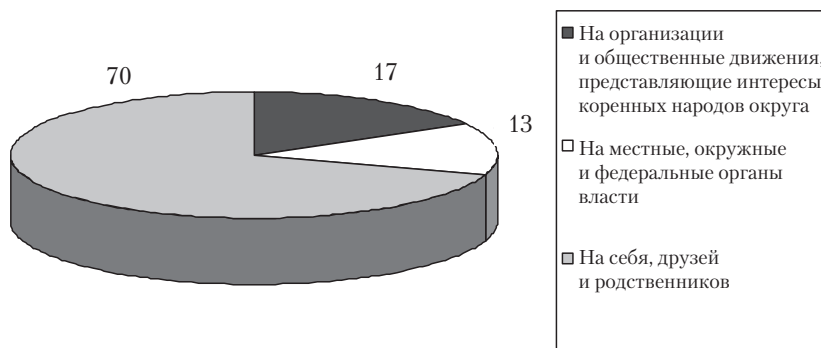


Рис. 1. Уровень доверия кочевых оленеводов ЯНАО к государственным институтам и официальным организациям КМНС, %

Таким образом, обнаруженная нами переоценка аборигенных проблем не только стала отражением социального недовольства коренных народов, но явилась предпосылкой для появления протестной группы «Голос тундры». Толчком к недовольству коренных жителей были социально-экономические проблемы. Многие семьи оленеводов, пострадавшие от вышеописанных природных катаклизмов, потеряли больше половины поголовья своих стад. При этом, по их словам, они не получили никакой помощи ни от государственных, ни от муниципальных властей.

В качестве ключевой темы, вызывающей наибольшее беспокойство тундровых оленеводов, можно назвать планы региональных властей по сокращению поголовья оленей. Эти планы обсуждались в округе многократно, всякий раз вызывая растущее беспокойство в аборигенной среде¹⁰. Оленеводы-частники не желают сокращать поголовье своих оленей¹¹. Главная причина – неуверенность в помощи со стороны государства в чрезвычайных ситуациях, подобных вышеописанным.

⁹ Интервью с В.А. Кибенко, научным сотрудником государственного казенного учреждения ЯНАО «Центр изучения Арктики». Салехард, 13.11.2019.

¹⁰ Два оленя на гектар. На Ямале начали сокращать поголовье тундровых животных [Электронный ресурс] // Новый день. Информационное агентство. 2018. 28 апр. URL: https://newdaynews.ru/yamal_ugra/634547.html (дата обращения 19.05.2018).

¹¹ Оленеводам Ямала предложат деньги за исход из тундры [Электронный ресурс] // Новый день. 2018. 14 июня. URL: https://newdaynews.ru/yamal_ugra/638217.html (дата обращения 19.07.2018).

Описываемую проблему сумел поднять в публичном сетевом пространстве молодой оленевод, выходец из тундры Ейко Сэротэтто. Он четко поставил назревший для Ямало-Ненецкого автономного округа вопрос: как быть с оленеводством и как быть с коренными оленеводами? И сам же ответил: в данный момент ни в коем случае нельзя произвольно сокращать поголовье оленей. Социальные последствия такого шага могут быть весьма плачевными для северных аборигенов.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Анализируемые события можно рассматривать как непреднамеренный результат ускоренного развития российской Арктики. Проект «Голос тундры» обозначил накопившиеся проблемы, которые не находили адекватного разрешения в течение долгого времени. В первую очередь это ресурсно-земельные вопросы, безработица среди коренной молодежи при демографическом росте среди ненцев. К этому можно добавить неопределенность жизненных перспектив кочевых оленеводов в атмосфере ускоренного промышленного освоения региона, кризис аборигенного лидерства и официальных организаций коренных народов.

Определенный пессимизм жителей тундры связан с пониманием того, что от них ничего не зависит, а на официальные организации коренных народов и их руководителей, как было показано, они не рассчитывают. В этой ситуации аборигенная среда выдвинула лидера «снизу», которым стал, как было уже сказано, молодой оленевод-частник, проживающий не в городе, а в поселке, – Ейко Сэротэтто. В основе его деятельности лежала политизация ресурсных, аборигенных и экологических проблем. «Голос тундры» подчеркивал разрушительные последствия в отношении коренных сообществ со стороны работающих в Арктике нефтегазовых корпораций. Показательным в этом отношении можно признать обращение на имя Президента РФ В.В. Путина под названием «Сохранить дом ненцев» с просьбой защитить среду обитания коренных народов¹².

Обозначенные проблемы осознаются российскими властями. В частности, остро и в публичном режиме проходило обсуждение актуальных вопросов жизнедеятельности КМНС на заседаниях Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям в 2018 г. (Ханты-Мансийск) и в 2019 г. (Нальчик). Во время этих заседаний В. Путин дал поручения решить такие назревшие проблемы, как необходимость для северных аборигенов доказывать свою принадлежность к коренным народам для получения положенных им льгот¹³, а также

¹² Голос Тундры [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/golos_tundry (дата обращения 06.06.2020).

¹³ Заседание Совета по межнациональным отношениям. Под председательством Владимира Путина в административном центре Ханты-Мансий-

необходимость целевого обучения представителей коренной молодежи в российских вузах¹⁴.

Литература

- Владими́рова 2015 – *Владими́рова В.* Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на Севере России // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 23–56.
- Зуев, Кибенко, Сухова 2017 – *Зуев С.М., Кибенко В.А., Сухова Е.А.* Социально-экономические факторы жизнедеятельности кочевого населения Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник Тюменского гос. ун-та. «Социально-экономические и правовые исследования». 2017. Т. 3. № 3. С. 37–48.
- Колесников и др. 2018 – *Колесников Р.А., Локтев Р.И., Ситницкий А.И., Камнев Я.К., Куликова О.Я.* Действие экологических факторов как причина зимнего и ранне-весеннего падежа оленей в Сеяхинской тундре полуострова Ямал // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2018. Вып. 3 (100). С. 38–45.
- Российская Арктика 2016 – Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Под ред. В.А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 193 с.
- Тулаева, Тысячнюк 2017 – *Тулаева С.А., Тысячнюк М.С.* Между нефтью и оленями. О распределении благ между нефтяниками и коренными народами в российской Арктике и Субарктике // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 3. С. 70–96.
- Balzer 2015 – *Balzer M.M.* Indigeneity, Land and Activism in Siberia / A. Tidwell, and B. Zeller (eds.), Land, Indigenous Peoples & Conflict. Routledge, New York, pp. 9–27.

References

- Balzer, M.M. (2015), *Indigeneity, Land and Activism in Siberia*. In: A. Tidwell and B. Zeller (eds.), Land, Indigenous Peoples & Conflict. Routledge, New York, pp. 9–27.
- Kolesnikov, R.A., Loktev, R.I., Sinitsky, A.I., Kamnev, Ya.K., Kulikova, O.Ya. (2018), “Deistvie ekologicheskikh faktorov kak prichina zimnego i rannevesennego padezha oleney v Seyakhinskoi tundre poluostrova Yamal” [Environmental Factors as a Cause of Winter and Early Spring Mortality of Deer in the Seiyakhinsky Tundra of the Yamal Peninsula], *Nauchnyi Vestnik Yamalo-Nenetskogo Avtonomnogo Okruga* [Scientific Herald of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug], no. 3 (100), Salekhard, Russia, pp. 38–45.
- Rossiiskaya Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie* (2016) [Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Development, Nestor-Istoriya, Moscow; St. Petersburg, Russia, 193 p.

ского автономного округа – Югры состоялось заседание Совета при Президенте по межнациональным отношениям 26 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: kremlin.ru/events/president/news/58922 (дата обращения 19.11.2018).

¹⁴ Владимир Путин провел в Нальчике заседание Совета по межнациональным отношениям 29 ноября 2019 г.: Стеногр. отчет о заседании Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62160 (дата обращения 10.12.2019).

- Tulaeva, S., Tysiachniouk, M. (2017), “Mezhdu neftiu i olenyami. O raspredelenii blag mezhdru neftyaniakami i korennyimi narodami v rossiiskoi Arktike i Subarktike” [Between Oil and Deer. Benefit Sharing Arrangements Between Oil Companies and Indigenous People in Russian Arctic and Sub-Arctic Regions], *Journal Ekonomicheskoi Sotsiologii* [Journal of Economic Sociology], vol. 18, no. 3, pp. 70–96.
- Vladimirova, V. (2015), “Transnatsionalnye indigennye organizatsii, liberalnyi multiculturalism i narrativy ob ‘indigennom separatizme’ na Severe Rossii” [Transnational Indigenous Structures, Liberal Multiculturalism, and Narratives of “Indigenous Separatism” in Russia’s North], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Studies], no. 1, pp. 23–56.
- Zuev, S.M., Kibenko, V.A., Sukhova, E.A. (2017), “Sotsialno-ekonomicheskie factory zhiznedeyatelnosti kochevogo naseleniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga” [Socio-Economic Factors of Vital Activity of the Nomadic Population of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug], *Bulleten Tiimenskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsialno-Ekonomicheskie i Pravovye Issledovaniya* [Bulletin of the Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Studies], vol. 3, no. 3, pp. 37–48.

Информация об авторах

Арбахан К. Магомедов, доктор политических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38; armagomedov@gmail.com

Масахиро Токунага, доктор экономических наук, профессор, Университет Кансай, Осака, Япония; 564-8680, Япония, Осака; tokunaga@kansai-u.ac.jp

Information about the authors

Arbakhhan K. Magomedov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bld. 38, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034; armagomedov@gmail.com

Masahiro Tokunaga, Dr. of Sci. (Economics), professor, Kansai University, Osaka, Japan; 3, Chome – 3 – 35 Yamatecho, Suita, Osaka, Japan, 564-8680; tokunaga@kansai-u.ac.jp

Роль общественных организаций
в защите прав коренных малочисленных народов Севера
(по материалам экспертного опроса в ХМАО – Югре)

Михаил Ю. Мартынов

*Сургутский государственный университет, Сургут, Россия,
martinov.mu@gmail.com*

Дмитрий В. Сердюков

*Сургутский государственный университет, Сургут, Россия,
dmitriy-serdyukov@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию состояния институциональной поддержки прав коренных малочисленных народов Севера. Промышленное освоение территорий Сибири создает угрозу разрушения традиционных форм ведения хозяйства. Это актуализирует данную проблему. Эмпирическим материалом служат результаты экспертного опроса, проведенного на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Делается вывод, что в регионе создана нормативно-правовая база обеспечения интересов коренных народов. Однако она создает лишь возможность защиты их интересов. Эта возможность может быть в полной мере реализована через деятельность политических институтов. На сегодняшний день эффективно работающими оказываются общественные организации самих коренных малочисленных народов. Они пользуются доверием коренного населения и защищают не только права аборигенов на традиционные формы ведения хозяйства, но и их социально-экономические интересы в целом. Однако возможности этих организаций достаточно ограничены. Например, коренные малочисленные народы в силу своей малочисленности не имеют возможности провести «своих» депутатов в представительные органы власти. В то же время роль других акторов – политических организаций, средств массовой информации, омбудсменов незначительна. Расширение спектра политических институтов, участвующих в защите прав коренных малочисленных народов Севера, является главным условием успешного решения этой задачи.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, права коренных малочисленных народов Севера, традиционные формы хозяйства, общественные организации коренных малочисленных народов Севера

Для цитирования: Мартынов М.Ю., Сердюков Д.В. Роль общественных организаций в защите прав коренных малочисленных народов Севера (по материалам экспертного опроса в ХМАО – Югре) // Вопросы этнополитики. 2020. № 4. С. 41–56. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-41-56

The role of public organizations in the protection of the rights of the indigenous small-numbered peoples of the North (based on the materials of an expert survey in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra)

Mikhail Yu. Martynov

Surgut State University, Surgut, Russia, martinov.mu@gmail.com

Dmitry V. Serdyukov

Surgut State University, Surgut, Russia, dmitriy-serdyukov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the state of institutional support for the rights of the indigenous peoples of the North. The industrial development of Siberian territories creates a threat of destruction of traditional forms of economic management. This makes this problem actual. The empirical material is the results of an expert survey conducted on the territory of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. It is concluded that a regulatory and legal framework has been created in the region to ensure the interests of indigenous peoples. However, it only creates an opportunity to protect their interests. This opportunity can be fully realized through the activities of political institutions. Today, public organizations of the indigenous peoples themselves are effectively working. They enjoy the trust of the indigenous population and protect not only the rights of Aboriginal people to traditional forms of farming, but also their socio-economic interests in general. However, the capabilities of these organizations are rather limited. For example, small indigenous peoples, due to their small number, do not have the opportunity to conduct “their” deputies to representative bodies of power. At the same time, the role of other actors – political organizations, mass media, ombudsmen – is insignificant. Expanding the range of political institutions involved in protecting the rights of the indigenous peoples of the North is the main condition for the successful solution of this task.

Keywords: indigenous small-numbered peoples of the North, the rights of indigenous small-numbered peoples of the North, traditional forms of economy, public organizations of the indigenous small-numbered peoples of the North

For citation: Martynov, M.Yu., Serdyukov, D.V. (2020), “The role of public organizations in the protection of the rights of the indigenous small-numbered peoples of the North (based on the materials of an expert survey in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra)”, *Issues of Ethnopolitics*, 2020, no. 4, pp. 41–56, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-41-56

Промышленное освоение арктических и приарктических территорий неизбежно сопровождается экологическими рисками, что несет угрозу для привычной среды обитания коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Это актуализирует проблему обеспечения их прав на ведение традиционных способов хозяйствования и на сохранение основ национальной культуры в этих непростых процессах взаимодействия с техногенной цивилизацией.

Данной проблеме, в том числе аспектам взаимоотношений аборигенного населения с нефтегазодобывающими компаниями, посвящено немало работ современных российских исследователей [Арефьев 2015; Журавель 2018; Задорин, Минчук 2017; Зенкина 2016; Иванов 2014; Коломиец 2016; Кряжков 2014; Мархинин 2002; Никитина 2015; Потравный, Мельникова, Попова 2016; Сморгчова 2015; Российская Арктика 2016; Филиппова 2017; Хакназаров 2018; Харючи 2009].

Как подчеркивают исследователи, коренные малочисленные народы Севера, освоив суровую природную среду региона, создали самобытную «арктическую цивилизацию» с уникальным укладом жизни и способами жизнеобеспечения. Однако при этом «в России не достигнут необходимый паритет в отношении аборигенов с промышленными компаниями с точки зрения двустороннего учета интересов, взаимовыгодного развития и нейтрализации рисков» [Тишков, Новикова, Пивнева 2015, с. 495]. В результате «постоянное население этих территорий сталкивается с невозможностью вести традиционный образ жизни и все в большей степени зависит от источников существования, прямо или косвенно связанных с платой за использование углеводородного сырья и иных природных ресурсов региона» [Старцев 2016, с. 203].

И это несмотря на то, что нормативно-правовая база, необходимая для обеспечения прав аборигенного населения, создана. Приняты такие основополагающие документы, как Стратегия национальной государственной политики России на период до 2025 года, Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов (2009 г.), План мероприятий по ее реализации в 2016–2025 гг.

На базе этих стратегических документов регионы разрабатывают свою нормативно-правовую базу. Например, согласно статье 63 Устава Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «гарантии защиты прав коренных малочисленных народов», органы государственной власти автономного округа осуществляют меры по возрождению, сохранению самобытности и свободному развитию коренных малочисленных народов, проживающих на территории автономного округа»¹.

Сегодня региональное нормативное правовое обеспечение в сфере защиты гарантии прав и законных интересов малочисленных народов Югры включает в себя 721 нормативный правовой акт автономного округа, в том числе 44 закона, 86 нормативных правовых актов губернатора автономного округа, 591 нормативный правовой акт Правительства Югры².

¹ Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Принят думой Ханты-Мансийского автономного округа 26 апреля 1995 г. [Электронный ресурс] // Официальный портал думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://www.dumahmao.ru/general-information/thebasicdocuments/charterhmao/> (дата обращения 30.11.2020).

² Гарантии прав коренных малочисленных народов Севера, их реализация и защита в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Ханты-Мансийск, 2019. С. 25.

Кроме того, в субъектах Федерации функционируют либо специализированные институты уполномоченных по делам коренных малочисленных народов Севера, либо эти функции переданы уполномоченному по правам человека в конкретном регионе.

Тем не менее реализация прав КМНС требует, помимо правовых, также и политических инструментов. Однако сохранение патерналистской традиции государственной опеки КМНС и дефицит партнерских отношений приводят к игнорированию самого аборигенного населения в качестве политического субъекта [Задорин, Минчук 2017, с. 4–27].

Эта неразвитость политических институтов КМНС становится одной из причин, затрудняющих решение экономических и социокультурных проблем, с которыми сталкиваются коренные малочисленные народы Севера [Магомедов 2019; Максимов, Верещагин, Задорин 2018; Питухина, Радиков, Волох, 2020; Слепцов, Потравная 2020; Новикова 2016].

Слабость политических институтов, представляющих интересы коренных малочисленных народов Севера, приводит к тому, что, «несмотря на обилие правовых документов и специальных организаций, призванных защищать интересы коренных малочисленных народов Севера, последние фактически остаются бессильными перед лицом газодобывающих корпораций и лишены возможности влиять на процессы, происходящие в родном регионе» [Магомедов, Токунага 2020, с. 76].

Эта ситуация может стать причиной аборигенного сопротивления, принимающего форму сетевого протеста, исследованного А.К. Магомедовым и М. Токунагой на примере деятельности открытой группы «Голос тундры» в «ВКонтакте» [Магомедов, Токунага 2020].

Появление подобных групп является лишь вершиной айсберга, скрывающей проблему кризиса политического доверия со стороны аборигенного населения.

Предметом данной статьи является выявление среди политических акторов институтов, пользующихся наибольшим доверием КМНС и готовых поэтому эффективно играть роль инструментов, обеспечивающих соблюдение их прав на традиционные формы хозяйствования и сохранение национальной культуры. Территорией исследования стал Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Югра является традиционным местом проживания коренных малочисленных народов Севера. Наиболее многочисленные национальности в структуре населения КМНС – ханты и манси. К концу 2018 г. в округе насчитывалось 19 255 представителей ханты (63%) и 9874 представителя манси (32%). Всего в настоящее время на территории автономного округа их насчитывается чуть более тридцати тысяч человек, что составляет 1,8% от общей численности населения. Для сравнения, в 1959 г., согласно данным переписи населения, эта доля составляла 14,4%. Снижение относительной доли КМНС в национальном составе округа происходило во многом в силу миграционных процессов [Стась 2017, с. 137].

Однако в абсолютном выражении численность коренных народов не сокращается, чему способствовала политика государства в отношении сохранения культуры и традиционного образа жизни северных этносов. Законодательно закреплено право коренных малочисленных народов Севера на защиту исконной среды обитания, хозяйствования, промыслов, родного языка, культуры, религии.

В 2014 г. отмечена максимальная численность КМНС – 31 932 человека. К концу 2018 г. население КМНС сократилось на 1286 человек. Исследователи склонны эти колебания относить в значительной мере к так называемым недемографическим факторам, являющимся следствием ассимиляционных эффектов, возникающих в ходе промышленного освоения территорий. Так, к 1989 г. доля аборигенов Севера, называющих родным язык своего народа, сократилась до 52% (в 1959 г. она составляла 76%)³. Тенденция отказа от ведения традиционного образа жизни привела к тому, что к переписи населения 2010 г. язык своего народа родным называли лишь 22% коренных жителей Югры⁴. Например, 85% манси и 73% ханты, по данным переписи 2010 г., считали своим родным языком русский язык. Отличительной чертой региона стала высокая доля коренных народов, проживающих в городах (в 2015 г. – 44,5%).

Эти процессы неоднозначны по своим последствиям, и очевидно, что основным условием сохранения культуры, языка и самих этносов выступает обеспечение права аборигенов Севера на ведение традиционных форм хозяйствования.

Сегодня традиционный образ жизни ведут свыше трех тысяч человек из числа КМНС⁵. Реестр территорий традиционного природопользования включает 475 родовых угодий общей площадью 13 825 236 га, что в среднем составляет около 25% от площади муниципальных районов⁶.

Тем не менее правоприменительная практика нередко сталкивается с конфликтом интересов. Весьма точно описал суть перманент-

³ *Богоявленский Д.Д.* Вымирают ли народы Севера? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2004. № 165–166. 16–29 авг. С. 59. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0165/tema01.php> (дата обращения 15.12.2020).

⁴ Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку по отдельным субъектам Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 01.09.2020).

⁵ Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]. URL: <https://kmns.admhmao.ru/dokumenty/hmao/300559/> (дата обращения 01.09.2020).

⁶ Методические рекомендации поведения на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berezovo.ru/inform/messages/23262/> (дата обращения 01.09.2020).

но возникающих противоречий депутат Думы автономного округа и представитель КМНС Е.Д. Айпин: «С одной стороны, нам необходимо обеспечивать развитие нефтегазового комплекса, с другой стороны, необходимо сохранять самобытный уклад жизни коренного населения Югры – народов ханты и манси»⁷.

Обращения, связанные с гарантией прав КМНС, поступают в том числе к Уполномоченному по правам человека ХМАО – Югры. Согласно данным специального доклада Уполномоченного, в 2016 г. поступило 49 обращений, а в 2017 и в 2018 гг. – 80 и 87 соответственно⁸.

Среди конфликтных проблем прошедшего, 2020 г. можно, например, назвать очередной спор между нефтяниками и общиной оленеводов – аганских ханты, рискующих потерять последние ягельники в Аганском бору, являющиеся естественными выпасами для оленей⁹. Насколько сложно решаются подобные вопросы, рассказывает известный деятель Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера, депутат окружной и Государственной думы различных созывов Т.С. Гоголева, описывая другую конфликтную ситуацию, связанную с требованием обеспечения природоохранного законодательства на территории округа (природный парк «Нумто», верховья р. Северная Сосьва)»¹⁰.

Одним из механизмов защиты прав аборигенов Севера могло бы стать расширение их представительства в структурах власти. Однако решение и этой проблемы идет с большим трудом, о чем свидетельствует, в частности, острота недавно прошедшей дискуссии по поводу учреждения должности уполномоченного по защите прав аборигенного населения¹¹.

Методом исследования стал экспертный опрос. Эксперты должны были оценить взаимоотношения между КМНС и нефтегазовыми компаниями, ведущими свою деятельность на территории ХМАО – Югры, и высказать мнение о том, в полной ли мере нефтегазовые компании соблюдают права коренного населения округа на землю.

⁷ Айпин Е. Территории традиционного природопользования (родовые угодья) как институт сохранения языка, культуры и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Вестник Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2015. № 1 (31). С. 10.

⁸ Гарантии прав коренных малочисленных народов Севера...

⁹ Хисматова А. Последний ягельник [Электронный ресурс]. URL: <https://semnasem.ru/lastforest/> (дата обращения 01.09.2020).

¹⁰ Депутат Госдумы Татьяна Гоголева: «Я готова держать ответ перед земляками за свою работу» // Вестник Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2017. № 1 (34). С. 5.

¹¹ Аборигенам Югры в очередной раз отказали в уполномоченном по правам КМНС [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2019-03-28/aborigenam_yugry_v_ochedrednoy_raz_otkazali_v_upolnomochennom_po_pravam_kmnns (дата обращения 01.09.2020).

Опрашиваемые должны были указать те институты, которым в наибольшей мере доверяют представители КМНС с точки зрения участия в обеспечении их прав. Интервьюеры, ведущие опрос, должны были выяснить роль таких акторов в этом процессе, как некоммерческие организации, общественные и консультативные советы при органах власти, институт уполномоченных по правам человека, политические организации, средства массовой информации, международные правозащитные организации. Помимо этого, экспертов просили высказать мнение о социально-экономическом положении коренного малочисленного населения в целом и об эффективности государственных и региональных мер поддержки КМНС. В заключение опрошенные должны были оценить потенциал протестной активности КМНС округа и ее возможные формы. В качестве экспертов выступали государственные служащие (руководители и специалисты отдела развития КМНС Департамента внутренней политики Югры); руководители общественных организаций коренных малочисленных народов Севера; представители хозяйствующих субъектов КМНС. Всего опрошено 22 эксперта. Все опрошенные эксперты обладали достаточной компетенцией для обоснования по поводу обсуждаемых проблем. Опрос проходил в форме интервьюирования респондента по телефону. Интервью организовывалось по подготовленной анкете, имевшей «блочную» структуру.

Наиболее низко эксперты оценили возможности политических организаций и средств массовой информации в качестве акторов, представляющих интересы КМНС. Если в отношении первых это было ожидаемо, то столь незначительная роль СМИ требует объяснения.

Анализ публикаций СМИ показал, что редакционная политика региональных изданий не предполагает обсуждение каких бы то ни было серьезных проблем общественной жизни народов Севера. Наглядной иллюстрацией такого положения вещей могут служить публикации «Вестника Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа». Материалы этого издания размещены на сайте окружной Думы¹². Ни в одном из номеров этого издания за 2016–2020 гг. нам не удалось обнаружить предметного обсуждения проблем, например, вокруг того же оз. Нумто. Публикуемые выступления современных идеологов национального возрождения коренных малочисленных народов Севера также не затрагивают конфликтных вопросов¹³.

¹² Архив «Вестника Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dumahmeo.ru/assemblyoftherepresentativesofthenorth/printproducts/vestnik/> (дата обращения 05.03.2020).

¹³ См., например: *Алексеева Н.Г.* Выступление на Постоянном Форуме ООН по вопросам коренных народов мира на тематической секции «Диалог с коренными народами: коллективные права коренных народов на земли, территории и ресурсы» (г. Нью-Йорк, Штаб-квартира ООН, 26 апреля 2019 г.) // Вестник Ассамблеи представителей коренных малочисленных

Впрочем, аналогичный стиль публикаций характерен и для профильных ресурсов федеральных СМИ¹⁴.

Роль уполномоченного по правам человека в защите прав коренных малочисленных народов единодушно признавалась позитивной, но столь же единодушно высказывалось мнение о необходимости введения должности уполномоченного по защите прав аборигенного населения, хорошо знакомого со спецификой именно этой проблемы.

Что касается роли правозащитных организаций, в том числе зарубежных, то здесь прослеживалась точка зрения, что обращения в подобные организации бывают полезны, однако делать это следует достаточно осторожно, поскольку эти организации не обладают нужной компетенцией для понимания существующих проблем, а иногда просто занимают политически ангажированную позицию. Выступавший в роли эксперта заместитель директора Департамента внутренней политики ХМАО С.В. Пишуков по этому поводу привел пример:

Вот в прошлом году приезжали представители организации «Гринпис», которые реально живую посещали места традиционного проживания, изучали условия, в которых они живут, общались как с представителями коренных, так и с компаниями недропользования. И как раз, общаясь не в сети, а «живую», они увидели, что между общинами коренных народов и нефтегазовыми компаниями существует взаимопонимание, и того негатива, что они хотели увидеть, не нашли.

В качестве акторов, пользующихся наибольшим доверием аборигенного населения, эксперты достаточно единодушно называли некоммерческие общественные организации. Наиболее часто упоминаемой при этом оказалась организация «Спасение Югры». По словам эксперта С.В. Пишукова, это

самая крупная общественная организация у нас в округе во всех муниципальных образованиях и муниципальных районах, где есть места традиционного проживания, и даже городах, где нет мест традиционного проживания, имеет свои местные отделения. То есть, по факту, жизнь коренных развивается с участием этой общественной организации всегда в положительном векторе. То есть если это город и не связан с местами

народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2019. № 2 (39). С. 6; *Пурьшев А.* Право вето для коренных народов // Вестник Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2015. № 1 (31). С. 12.

¹⁴ См., например: Финно-угорский культурный центр Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finnougoria.ru/news/> (дата обращения 06.07.2020); Консультативный комитет финно-угорских народов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fucongress.org/news/> (дата обращения 06.07.2020); Ассоциация «Ямал – потомкам!» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/assoc.yamal_potomkam (дата обращения 06.07.2020).

традиционного проживания, традиционной хозяйственной деятельностью и они не ведут традиционный образ жизни, то вопросы, связанные с развитием языка, с развитием культуры, фольклора, традиционных ремесел и промыслов, всегда развиваются. Если это муниципальный район, где места проживания и традиционной хозяйственной деятельности есть, то в этом случае как раз защита исконной среды обитания, защита их традиционной хозяйственной деятельности, поддержка этой деятельности имеют прямое поле внимания региональных отделений этой общественной организации.

В свою очередь, президент общественной организации «Спасение Югры» эксперт Л.А. Алферова отметила:

Важно, на мой взгляд, что наша общественная организация завоевала некий авторитет, и поэтому, когда говоришь, что ты руководитель Общественной организации «Спасение Югры», и возникла такая-то проблема, то очень часто многие вопросы просто даже решаются по телефону. Очень было немало вопросов пенсии, и такие какие-то вопросы, они решаются в рабочем порядке. Где-то мы ходатайство просто пишем, где-то мы просто разъясняем.

Помимо организации «Спасение Югры» опрошенные назвали такие НКО, отстаивающие права КМНС, как «Союз оленеводов», «Союз мастеров традиционных народных промыслов коренных малочисленных народов «Сорни Еш», «Молодежная организация обско-угорских народов», «Союз общин коренных малочисленных народов», «Совет старейшин коренных малочисленных народов», Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера Думы автономного округа.

При этом, как рассказала Л.А. Алферова, организация «Спасение Югры» тесно взаимодействует с аналогичными общественными организациями, помогает их становлению:

Мы не единственная общественная организация, представляющая интересы коренных народов. Союз общин есть у нас, Союз мастеров традиционных промыслов, Молодежная организация обско-угорских народов Югры, Совет Старейшин, Федерация спорта, но мы все работаем в одной команде. Все эти организации все равно являются ассоциированными членами Общественной организации «Спасение Югры». И в данном случае я и населению говорю о том, что мы ни в коем случае не конкурируем, а взаимодействуем. Конечно, я считаю важным, и подчеркиваю всегда, и замечательно, что у нас сохранилась Ассамблея представителей коренных народов при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Мы единственный субъект, который в составе своей Думы сохранил отдельное представительство коренных народов. Когда мы подчеркиваем, что любой нормативный документ в отношении коренных, он обязательно проходит через ассамблею, он может быть инициирован ассамблеей, которой касается жизнедеятельность коренных народов, он проходит через наш общественный мониторинг.

По оценкам экспертов, в настоящее время региональных общественных организаций, отстаивающих интересы КМНС, вполне достаточно. Как считает один из опрошенных – В.С. Банк (президент Молодежной организации обско-угорских народов), две основные организации – «Спасение Югры» и Ассамблея народов Севера – это две мощные структуры, вполне способные представлять эти интересы в правовом поле. Другое дело, что необходимы аналогичные организации или отделения на муниципальном уровне.

Еще одной структурой, способной достаточно эффективно отстаивать интересы КМНС, были названы общественные советы.

В общественный совет при органах власти, – поясняет один из экспертов, – входят представители общественных организаций коренных для того, чтобы, если есть необходимость, все вопросы, связанные с регулированием деятельности с точки зрения интересов коренных, на общественном совете рассматривались с участием представителей этой общественности. И они всегда имеют право свою оценку дать деятельности этого органа власти в части защиты интересов коренных малочисленных народов Севера.

В качестве наиболее заметного органа эксперты назвали Совет представителей КМНС при Правительстве ХМАО – Югры. Он регулирует взаимодействие органов власти с хозяйствующими субъектами и организациями, а также осуществляет экспертизу проектов нормативных актов о сохранении и защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов КМНС, оценку их правоприменения.

Один из экспертов так описывает работу Совета представителей КМНС:

Нам предоставляется возможность высказать открыто свою некую позицию по тому и другому вопросу, и к нам прислушиваются. К примеру, я могу назвать, что не так давно, в декабре прошлого года, на заседании Совета я озвучила вопрос по дикоросам от лица общин коренных малочисленных народов. Этот вопрос по сбору дикоросов и по сбыту этой продукции для коренных жителей на сегодня большой. Потому что нет тех приемных пунктов, куда бы они сдавали и получали бы нормальную оплату, потому что сейчас выгоднее выходить на дорогу коренным жителям и продавать ягоды, грибы и все прочее. Именно мы большую продукцию просто по более выгодной цене для коренных жителей передаем в Москву и так далее. Нет чтобы перерабатывать вот здесь, и все это делать в больших объемах. И тогда цена продукции будет ниже. Еще не все закрыто у нас по рыболовству, потому что, на мой взгляд, последние годы мы, коренные жители, общины коренных малочисленных народов Севера в этом направлении тоже имеем ряд проблем, которые не решаются. Я понимаю, муксун у нас в Красной книге, но решать проблему нужно. Эти проблемы, которые вроде бы небольшие, незначительные, в конечном итоге могут подводить наши коренные народы под браконьерство. Тут массово это будет происхо-

дить. А нам бы этого хотелось избегать. По экологии здесь у нас, я считаю, отработаны взаимоотношения хорошо, в плане того, что коренные народы знают, как и куда обращаться при наступлении экологического неблагополучия. Знают, как реагировать, как сообщить. Могут быть общественными инспекторами, и это практикуется очень хорошо. Компании нефтяные привлекают в качестве инспекторов именно наших представителей коренных народов.

Но если проблемы взаимоотношений на, так сказать, «высшем уровне» – между промышленными компаниями и общинами коренных народов достаточно отрегулированы, то нарушения на нижнем, «бытовом» уровне происходят регулярно. Так, эксперт Н.А. Молданова (руководитель Союза мастеров традиционных промыслов КНХМАО) указала, в частности, на нарушения работниками компаний регламента, запрещающего им на территории стойбища охотиться, рыбачить, собирать дикоросы. Доходит до краж вещей со стойбища: «Все, что там лежит у коренных жителей – к ним на стойбище могут прийти и забрать». И здесь обращение в общественную организацию, например в местное отделение «Спасения Югры», а последнего – в саму компанию позволяет решить проблему.

Другая беспокоящая тема – экологическая. Причем опять речь идет в большей мере о нарушениях, совершаемых не самими компаниями в процессе производства, а о поведении их отдельных работников. По словам председателя Нижневартовского отделения ОО «Спасение Югры» Е.С. Жуковой,

...приезжие, которые по вахтам работают на территории Югры, не берегут ее, потому что это не их земля, и поэтому они относятся к ней не очень хорошо. Они не соблюдают те правила, которые должны соблюдать. Они даже бытовой мусор просто выкидывают, оставляют – не заботятся о том, чтобы территория все-таки оставалась чистой. И потом коренные жители жалуются, что они не могут пасти оленей, там, где их пасли, там мусор остается именно бытовой.

Как рассказал один из экспертов, представляющий НКО КМНС:

Мы не уходим от этих конфликтов. И не умалчиваем, не замалчиваем те ситуации, которые возникают на каком-то стойбище, где кто-то считает, что там неправильно ведут себя нефтяники в отношении к ним. У нас через год проходят конференции «Коренные народы. Нефть. Закон». Это та открытая площадка, где встречаются представители коренных народов, представляющих их интересы общественных организаций, органов власти, компаний-недропользователей. И здесь проходит нормальный разговор, диалог. Коренные народы могут высказывать свои недовольства, обиды, даже рассматриваются частные случаи.

Но деятельность общественных организаций КМНС, как показал опрос, отнюдь не ограничивается защитой прав на ведение традиционного образа жизни. Проблема ставится ими гораздо шире, и речь

идет в целом о социально-экономической поддержке коренного населения. По описанию эксперта,

...коренные малочисленные народы Севера, проживающие в деревнях, поселках, живут ниже среднего уровня. Нет работы у людей. Хотя основная часть коренных жителей все-таки являются большими трудоголиками. Они занимаются в основном собирательством, собирают ягоды, грибы на продажу. Рыбалка, охота. За счет этого живут. Они получают очень маленькую, конечно, сумму от нефтяников – 6 тыс. рублей в квартал или в месяц. Очень маленькая сумма. И один раз в несколько лет получают «Буран» или лодку-мотор. Все выдается не просто так, а налог они должны платить самостоятельно с этих денег, с этих подарков, 13%. А так как работы нет и они занимаются только традиционными видами деятельности, у них нет возможности заплатить этот налог, и копятся большие долги. Приходится эту технику продавать для того, чтобы эти долги отдать.

Подчеркивая роль НКО в защите социально-экономических прав коренных малочисленных народов Севера, почти половина экспертов – 9 человек – в той или иной форме высказали сожаление тем, что оказалась изъята квота на депутатские места от аборигенного населения в представительном органе власти автономного округа. По их словам, ранее это делало роль коренного населения гораздо более весомой в политическом контексте.

Признавая также большую работу по правовой защите интересов коренных малочисленных народов, эксперты тем не менее обратили внимание на регулярно возникающие «пробелы» в праве. Например, на недостаточное внимание к сохранению такого элемента этой культуры, как традиционные верования коренных малочисленных народов. Отмечалась и необходимость изучения и использования в гражданских правоотношениях, в том числе в традиционной хозяйственной деятельности, принципов «обычного права», которые оказались незаслуженно забыты. Роль некоммерческих организаций коренных малочисленных народов, реагирующих на эти и другие правовые «пробелы», в этом отношении трудно переоценить.

Подводя итоги, отметим, что нормативно-правовая база представляет лишь возможность защиты интересов аборигенного населения. Эта возможность может быть в полной мере реализована через деятельность политических институтов. Однако, судя по результатам опроса экспертов, из всего спектра институтов, потенциально способных решать эту задачу, единственно реально работающими оказываются общественные организации самих коренных малочисленных народов. Возможности этих организаций тем не менее достаточно ограничены. Коренные малочисленные народы именно в силу своей малочисленности не имеют возможности провести «своих» депутатов в представительные органы власти. Пока в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных народов» присутствовала норма, санкционировавшая установление квоты представительства малочисленных народов в законодательных (представительных) органах

субъектов и представительных органах местного самоуправления, в Думе автономного округа три места предоставлялось депутатам от КМНС. Однако после изменения федерального законодательства автономный округ в 2015 г. отменил эту квоту, хотя это и удалось компенсировать за счет квоты на трех депутатов по партийным спискам региональной группы «Единой России». Не могут также общественные организации коренных народов, оставшись без внимания СМИ, представить в полной мере интересы КМНС и в публичном пространстве.

Включение всего спектра политических институтов в процесс защиты прав КМНС наряду с укреплением общественных организаций и расширением роли общественных советов при органах власти является главным условием решения этой задачи.

Литература

- Арефьев 2015 – *Арефьев А.Л.* О языках коренных малочисленных народов России // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 75–84.
- Журавель 2018 – *Журавель В.П.* Права коренных народов российской Арктики: проблемы и решения // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 76–96.
- Задорин 2017 – *Задорин М.Ю., Минчук О.В.* Этнополитика России в Арктической зоне: интеграция, региональная мультикультуральность, традиция // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 4–27.
- Зенкина 2016 – *Зенкина А.Б.* Промышленное освоение земель коренных малочисленных народов в Российской Федерации: гарантии конституционных прав // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 35–39.
- Иванов 2014 – *Иванов Г.В.* Проблемы малочисленных народов Севера и пути их решения // Арктические ведомости. 2014. № 1. С. 126–136.
- Коломиец 2016 – *Коломиец О.П.* Взаимоотношения коренных народов Чукотки и добывающих компаний на современном этапе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 24–33.
- Кряжков 2014 – *Кряжков В.А.* Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право. 2014. № 7. С. 27–39.
- Магомедов 2019 – *Магомедов А.К.* Индигенность как политическая проблема: к пониманию политических интересов // Вестник МГОУ. 2019. № 3.
- Магомедов, Токунага 2020 – *Магомедов А.К., Токунага М.* Истоки и предпосылки протеста коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 76–83.
- Максимов, Верещагин, Задорин 2018 – *Максимов А.М., Верещагин И.Ф., Задорин М.Ю.* Методические проблемы эмпирических исследований этнополитических и этносociальных процессов в регионах российской Арктики // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 97–119.
- Мархинин 2002 – *Мархинин В.В.* Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс: Социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе / Рос. акад. наук. Сибирское отделение. Ин-т философии и права, Сургут. гос. ун-т. Новосибирск: Наука, 2002. 253 с.

- Никитина 2015 – *Никитина Е.Е.* Защита прав коренных малочисленных народов в условиях промышленного освоения Арктики // *Аграрное и земельное право.* 2015. № 4. С. 48–51.
- Новикова 2016 – *Новикова Н.И.* Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // *Вестник урведования.* 2016. № 3. С. 124–137.
- Питухина, Радиков, Волох 2020 – *Питухина М.А., Радиков И.В., Волох В.А.* Обсерватория коренных финно-угорских народов Республики Карелия // *Арктика и Север.* 2020. № 40. С. 291–309.
- Потравный, Мельникова, Попова 2016 – *Потравный И.М., Мельникова Д.М., Попова И.М.* Исследование природной и этнологической составляющей при обосновании проектов промышленного освоения территорий традиционного природопользования // *Горизонты экономики.* 2016. Т. 2. № 6 (33). С. 25–30.
- Российская Арктика 2016 – *Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение* / Под ред. В.А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 271 с.
- Слепцов, Потравная 2020 – *Слепцов А.Н., Потравная Е.В.* Влияние пандемии коронавируса на жизнь арктических регионов в оценках населения // *Социологические исследования.* 2020. № 7. С. 144–147.
- Сморчкова 2015 – *Сморчкова В.И.* Практика взаимодействия коренного населения и промышленных компаний в Арктике // *Государственная служба.* 2015. № 4. С. 63–67.
- Старцев 2016 – *Старцев Я.Ю.* Нормативное описание российской арктической политики: освоение сырьевой периферии или региональное развитие // *Дискурс-Пи.* 2016. № 3–4 (24–25). С. 193–209.
- Стась 2017 – *Стась И.Н.* Дрейф этничности в процессе нефтегазового освоения и урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960–1980-е гг.) // *Вестник Томского гос. ун-та.* 2017. № 414. С. 134–147.
- Тишков, Новикова, Пивнева 2015 – *Тишков В.А., Новикова Н.И., Пивнева Е.А.* Коренные народы российской Арктики // *Вестник РАН.* 2015. Т. 85. № 5–6. С. 491–500.
- Филиппова 2017 – *Филиппова Н.А.* Представительство коренных малочисленных народов в России: новеллы федерального и регионального законодательства // *Вестник Сургутского гос. ун-та.* 2017. № 3 (17). С. 77–78.
- Хакназаров 2018 – *Хакназаров С.Х.* К вопросу о взаимодействии коренных народов Севера и промышленных компаний на примере Югры // *Арктика и Север.* 2018. № 30. С. 120–133.
- Харючи 2009 – *Харючи С.Н.* Правовые проблемы коренных малочисленных народов Севера России. М.: Юнити-Дана, 2009. 272 с.

References

- Aref'ev, A.L. (2015), "O yazykah korennykh malochislennykh narodov Rossii", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 75–84.
- Filippova, N.A. (2017), "Predstavitel'stvo korennykh malochislennykh narodov v Rossii: novelly federal'nogo i regional'nogo zakonodatel'stva", *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (17), pp. 77–78.
- Haknazarov, S.X. (2018), "K voprosu o vzaimodejstvii korennykh narodov Severa i promyshlennykh kompanij na primere Yugry", *Arktika i Sever*, no. 30, pp. 120–133.

- Haryuchi, S.N. (2009), *Pravovye problemy korennykh malochislennykh narodov Severa Rossii* [Legal problems of indigenous small-numbered peoples of the North of Russia], Yuniti-Dana, Moscow, Russia.
- Ivanov, G.V. (2014), "Problemy malochislennykh narodov Severa i puti ih resheniya", *Arkticheskie vedomosti*, no. 1, pp. 126–136.
- Kolomiecz, O.P. (2016), "Vzaimootnosheniya korennykh narodov Chukotki i dobyvayushchih kompanij na sovremennom etape", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, no. 4, pp. 24–33.
- Kryazhkov, V.A. (2014), "Pravovoe regulirovanie otnoshenij mezhdru korennyimi malochislennymi narodami Severa i nedropol'zovatelyami v Rossijskoj Federacii", *Gosudarstvo i pravo*, no. 7, pp. 27–39.
- Magomedov, A.K. (2019), "Indigennost' kak politicheskaya problema: k ponimaniyu politicheskikh interesov", *Vestnik MGOU*, no. 3.
- Magomedov, A.K. and Tokunaga, M. (2020), "Istoki i predposylki protesta korennykh malochislennykh narodov Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 76–83.
- Maksimov, A.M., Vereshhagin, I.F. and Zadorin, M.Yu. (2018), "Metodicheskie problemy empiricheskikh issledovanij etnopoliticheskikh i etnosocial'nykh processov v regionah rossijskoj Arktiki", *Arktika i Sever*, no. 30, pp. 97–119.
- Marhinin, V.V. (2002), *Tradicionnoe hozyajstvo narodov Severa i neftegazovyy kompleks: Sociologicheskoe issledovanie v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge* [Traditional Economy of the Peoples of the North and the Oil and Gas Complex: Sociological Research in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug], Ros. akad. nauk. Sibirskoe otdelenie. In-t filosofii prava, Surgut. gos. un-t, Nauka, Novosibirsk, Russia.
- Nikitina, E.E. (2015), "Zashchita prav korennykh malochislennykh narodov v usloviyah promyshlennogo osvoeniya Arktik", *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, no. 4, pp. 48–51.
- Novikova, N.I. (2016), "Nef't, gaz, korennye narody: kto napishet pravila?", *Vestnik ugrovedeniya*, no. 3, pp. 124–137.
- Pituhina, M.A., Radikov, I.V. and Voloh, V.A. (2020), "Observatoriya korennykh finno-ugorskih narodov Respubliki Kareliya", *Arktika i Sever*, no. 40, pp. 291–309.
- Potravnij, I.M., Mel'nikova, D.M. and Popova, I.M. (2016), "Issledovanie prirodnoj i etnologicheskoy sostavlyayushchej pri obosnovanii proektov promyshlennogo osvoeniya territorij tradicionnogo prirodnopol'zovaniya", *Gorizonty ekonomiki*, vol. 2, no. 6 (33), pp. 25–30.
- Slepcev, A.N. and Potravnyaya, E.V. (2020), "Vliyanie pandemii koronavirusa na zhizn' arkticheskikh regionov v ocenках naseleniya", *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 144–147.
- Smorchkova, V.I. (2015), "Praktika vzaimodejstviya korennoho naseleniya i promyshlennykh kompanij v Arktike", *Gosudarstvennaya sluzhba*, no. 4, pp. 63–67.
- Starcev, Ya.Yu. (2016), "Normativnoe opisanie rossijskoj arkticheskoy politiki: osvoenie syr'evoy periferii ili regional'noe razvitie", *Diskurs-Pi*, no. 3–4 (24–25), pp. 193–209.
- Stas', I.N. (2017), "Drejf etnichnosti v processe neftegazovogo osvoeniya i urbanizacii Hanty-Mansijskogo okruga (1960–1980-e gg.)", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 414, pp. 134–147.
- Tishkov, V.A., Novikova, N.I. and Pivneva, E.A. (2015), "Korennye narody rossijskoj Arktiki", *Vestnik RAN*, vol. 85, no. 5–6, pp. 491–500.
- Zadorin, M.Yu. and Minchuk, O.V. (2017), "Etnopolitika Rossii v Arkticheskoy zone: integraciya, regional'naya mul'tikul'tural'nost', tradiciya, tradiciya", *Arktika i Sever*, no. 29, pp. 4–27.

- Zenkina, A.B. (2016), “Promyshlennoe osvoenie zemel' korennyh malochislennyh narodov v Rossijskoj Federacii: garantii konstitucionnyh prav”, *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, no. 4, pp. 35–39.
- Zhuravel', V.P. (2018), “Prava korennyh narodov rossijskoj Arktiki: problemy i resheniya”, *Arktika i Sever*, no. 30, pp. 76–96.

Информация об авторах

Михаил Ю. Мартынов, доктор политических наук, доцент, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, ХМАО – Югра, Тюменская обл., Сургут, проспект Ленина, д. 1; martinov.mu@gmail.com

Дмитрий В. Сердюков, кандидат исторических наук, доцент, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, ХМАО – Югра, Тюменская обл., Сургут, проспект Ленина, д. 1; dmitriy-serdyukov@yandex.ru

Information about the authors

Mikhail Yu. Martynov, Dr. of Sci. (Political), associate professor, Surgut State University; bld. 1, Lenin Avenue, Surgut, Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia, 628412; martinov.mu@gmail.com

Dmitry V. Serdyukov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Surgut State University; bld. 1, Lenin Avenue, Surgut, Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia, 628412; dmitriy-serdyukov@yandex.ru

Религии и межрелигиозные отношения в России

УДК 28:323.1

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-57-66

Дагестанское этномусульманское сообщество: между исламской глобализацией и локальной трансформацией

Виктор М. Викторин

*Астраханский государственный университет,
Астрахань, Россия, victvic@mail.com*

Аннотация. Работа исследует обстоятельства, которые предопределили стремительную трансформацию дагестанского этномусульманского сообщества в постсоветский период. Ключевой характеристикой данной трансформации стала мусульманская глобализация. Этот генеральный тренд задал рамки, в пределах которых развивались следующие процессы, которые предопределили не только изменение институциональных и политических характеристик местного ислама, но и природу государственно-исламских отношений в Дагестане. Данные процессы выражались в следующем: интернационализации дагестанского ислама, которая развивалась в виде активных международных контактов местных мусульман; появлении сетевых форм взаимодействия верующей молодежи; превращении «борьбы с терроризмом» в элемент политической и гражданской жизни республики. Указанная динамика привела к тому, что в республике сложилась много-субъектная система политизации ислама. Самой важной характеристикой исламополитической трансформации Дагестана можно считать эволюцию от исламополитической конфронтации к усложнению внутррелигиозных и политических взаимоотношений в контексте «глобализации» российского мусульманского сообщества.

Ключевые слова: ислам в Дагестане, глобализация и поляризация ислама, антитеррористический дискурс

Для цитирования: Викторин В.М. Дагестанское этномусульманское сообщество: между исламской глобализацией и локальной трансформацией // Вопросы этнополитики. 2020. № 4. С. 57–66. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-57-66

Dagestani ethno-Muslim community: between Islamic globalization and local transformation

Victor M. Victorin

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Abstract. The paper examines the circumstances that predetermined the rapid transformation of the Dagestani ethno-Muslim community in the post-Soviet period. Muslim globalization has become a key characteristic of this transformation. This general trend set the framework within which the following processes developed, which predetermined not only the change in the institutional and political characteristics of local Islam, but also the nature of state-Islamic relations in Dagestan. These processes were expressed in the following: internationalization of Dagestani Islam, which developed in the form of active international contacts of local Muslims; the emergence of network forms of international between believing youth; the transformation of the “fight against terrorism” into an element of the political and civil life of the Republic. The indicated dynamics has led to the fact that a multi-subject system of the politicization of Islam has developed in the republic. The most important characteristic of the Islam-political transformation of Dagestan can be considered the evolution from religious and political confrontation to the complication of Islamic and political relations in the context of the “globalization” of the Russian Muslim community.

Keywords: islam in Dagestan, globalization and polarization of Islam, anti-terror discourse

For citation: Victorin, V.M. (2020), “Dagestani ethno-Muslim community: between Islamic globalization and local transformation”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 4. pp. 57–66, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-57-66

Введение

Много лет назад коллектив российско-японских исследователей под руководством профессора университета Хоккайдо Кимитаки Мацузато предложил очень интересное понимание российской мусульманской географии. Исследователи расположили отечественные мусульманские регионы в пространственно-географические рамки, названные «системой координат исламского возрождения в мире» [Ислам от Каспия до Урала 2007]. Роль различных отечественных мусульманских ареалов в общей картине мировых исламских координат обозначена на рис. 1.

Специалисты по мусульманским коммуникациям анализировали исламополитическую трансформацию в терминах территориально-пространственной политологии. Согласно данной логике, Дагестан был обозначен как «ядро» российского ислама, в то время как другие регионы, размещенные вдоль Волго-Уральского мезорегиона, рассматривались как «полупериферия» или «периферия» российского мусульманского пространства.

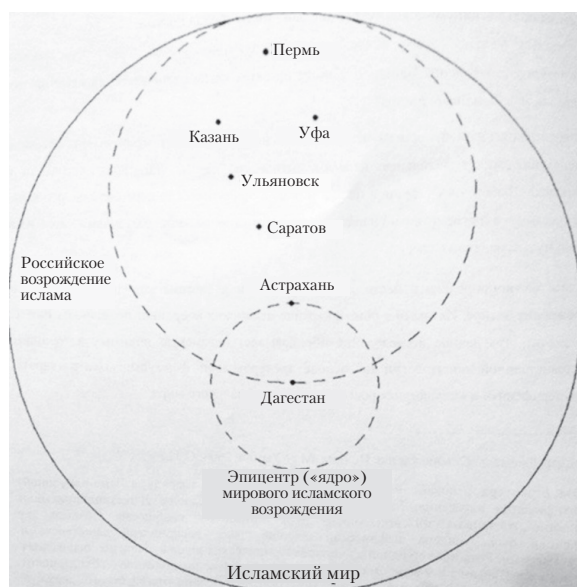


Рис 1. Российские мусульманские регионы в рамках мировых исламских координат

На наш взгляд, данная модель уже несколько устарела, особенно в контексте того, что в России появились другие влиятельные центры ислама. В первую очередь это Москва, где проживают, по различным оценкам, около 2 млн мусульман. К тому же недавние исследования российских ученых М.А. Омарова, А.К. Магомедова и А.А. Ярлыкапова выявили появление такого феномена, как «полярный ислам»¹. Мусульманские сообщества с их халяльной инфраструктурой стали обыденностью для северных городов, а мечети стали типичной частью тундрового ландшафта. Данная ситуация свидетельствует о сложности с мусульманской регионализацией России. Каждый российский мусульманский регион представляет собой определенную разновидность исламской политизации со своей спецификой, которая обусловлена не только степенью влияния мировых исламских центров на российское мусульманское сообщество, но и логикой внутриполитического развития каждого региона на различных этапах посткоммунизма.

¹ Омаров М.А., Магомедов А.К. Полярный ислам в постсоветской России: рождение феномена в контексте «новой» этносоциальной мобильности [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. С. 288. URL: www.evestnik.ru (дата обращения 14.10.2020); Ярлыкапов А. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // Problems of Post-Communism. Taylor & Francis Group. Published online: 20 Aug 2019. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1631181>

Данные обстоятельства заставляют нас по-новому взглянуть на особенности трансформации дагестанского исламского сообщества. Особенности дагестанского ислама предопределили не только географические характеристики, но и внутренние процессы, проходившие в дагестанском обществе. В первую очередь необходимо отметить то, что Дагестан является самым исламизированным регионом России. При этом многие аналитики и обозреватели весьма поверхностно видели религиозно-политическую ситуацию в Дагестане как затяжную войну между вооруженными салафитами (которых иначе называют «ваххабитами») и властно-государственными структурами (в лице светских властей, силовиков и «официального» ислама). У этого процесса были свои бенефициарии, получившие немалые политические, финансовые, информационные и даже карьерные дивиденды. Но нашей задачей является анализ ключевых особенностей трансформации мусульманской политики в постсоветском Дагестане. В качестве предварительного допущения отметим, что основной особенностью данного процесса явилась глобализация дагестанского ислама, на фоне которой развивался переход от религиозно-политической поляризации к усложнению региональной политики. Хронологические рамки исследования: постсоветские десятилетия до начала крымских событий, которые сильно ослабили «антитеррористическую» направленность государственно-исламских отношений в Дагестане.

Вопросы, на которые должна ответить эта статья, следующие: как изменился характер государственно-исламских отношений в Дагестане? Какую роль в этом процессе сыграли такие факторы, как интернационализация дагестанского мусульманского сообщества, с одной стороны, и проводимая российскими властями политика «антитеррора» в жестких и «мягких» вариантах – с другой?

Глобализация дагестанского мусульманского сообщества и усложнение региональной политики

Период после распада СССР, охватывающий отрезок времени с 1991 вплоть до 2006 г., характеризовался неуправляемой поляризацией мусульманского сообщества Дагестана. Это было связано с появлением салафизма на мусульманском поле России, а в Дагестане были сформированы мощные салафитские общины с их военно-пропагандистской инфраструктурой. Достаточно сказать, что в республике в 1997 г. была построена так называемая кадарская зона – ваххабитский джамаат в составе сел Кадар, Карамахи, Чабанмахи и Чанкурбе. Кадарский анклав был объявлен «исламской территорией». В 1990-е гг. в Дагестане сложилось внутриисламское противостояние, которое разделяло агрессивное салафитское меньшинство и инертное «традиционалистское» (суфийское) большинство. Естественно, официальное духовенство (в лице Духовного управления мусульман Дагестана – ДУМД) и светские власти

всех уровней, которые чувствовали за собой силу государства, часто называли салафитов «террористами».

В 2000-е гг. начали просматриваться новые реалии дагестанской исламской политики. Начиная с 2006 г. политический дискурс, заключающийся в противопоставлении «традиционного» (в смысле «хорошего» и «правильного») и салафитского (в смысле «плохого» и «неправильного») ислама, начал терять свою убеждающую силу.

Одной из основных причин такого важного поворота можно назвать интернационализацию дагестанского мусульманского сообщества. Этот процесс совпал с тем, что принято называть «мусульманской глобализацией», выражающейся в появлении новых сетевых форм общения и взаимодействия мусульман, а также в растущих контактах местных верующих с зарубежными мусульманами. Что касается международных связей и контактов дагестанских мусульман, то исследователи, изучающие эту проблему, сделали интересные описания. Так, российский ученый Магомед-Расул Ибрагимов и японский исследователь Кимитака Мацузато характеризуют данный процесс следующим образом: «Дагестан поставляет подавляющее большинство религиозных паломников, которые ежегодно едут к исламским святыням в Мекку. Количество мусульманских паломников из республики в Саудовскую Аравию действительно впечатляет: от 12 до 14 тыс. человек. При этом надо понимать, что такое количество жителей региона путешествует не просто в мусульманскую страну, а в страну, официальной религией которой является ваххабизм – доктрина Мухаммада ибн Абд аль Ваххаба. Однако это еще не все. Сюда нужно добавить фактор мусульманского образования. Так, по состоянию на 2011 год в исламских учебных заведениях арабских государств обучалось около 3 тыс. дагестанцев. И это невзирая на противодействие светских властей, официального духовенства и силовых структур» [Ibragimov, Matsuzato 2014, с. 288].

На интернационализацию дагестанского ислама работало еще одно обстоятельство, кроме вышеупомянутых личных контактов местных мусульман с зарубежными гражданами. Речь идет о «сетевой революции» в сфере массовых коммуникаций. Это привело к тому, что сегодня любой желающий может получить доступ к тому, чего прежде были лишены предыдущие поколения мусульман: всемирную паутину с интернет-сайтами, электронные библиотеки, откуда открывается возможность знакомиться с исламской литературой и дистанционно участвовать в международных конференциях. Вторжение в повседневную жизнь сетевых форм исламской активности произвело настоящий переворот в сфере религиозных коммуникаций в первые десятилетия XXI столетия. Данный процесс имел весьма драматичные последствия для ситуации внутри дагестанского ислама и в целом для государственно-конфессиональных отношений. Произошло столкновение местной дагестанской версии ислама (которую многие считали уникальной в силу ее «чистоты») с глобальным мусульманским миром, который (благодаря описанной выше «сетевой революции») широко раздвинул свои границы. Суть

и драматизм этого столкновения, по мнению многих религиозных деятелей, заключался в том, что местные исламские функционеры при поддержке государства предприняли колоссальные усилия по дискредитации как сетевых форм общения, так и интернационализации дагестанского ислама. Описываемые процессы, связанные с нарастающим втягиванием локального дагестанского ислама в глобализационные процессы, а также наступление сетевых инструментов коммуникации меняли облик республиканского мусульманского сообщества. Данная трансформация воспринималась лидерами местного тарикатизма (доминирующего в Дагестане исламского течения) с большим подозрением, что расширяло социальное пространство для потенциально конфликтных ситуаций [Ярлыкапов 2012, с. 156]. Интернационализация и глобализация дагестанского ислама начали менять не только повседневные привычки, но и веками устоявшиеся религиозные ритуалы. Как с тревогой отметил по этому поводу известный дагестанский чиновник Расул Гаджиев, курирующий национальную политику в ранге заместителя председателя правительства республики, «примерно половина участников пятничной молитвы в центральной мечети Махачкалы не практикуют традиционные дагестанские обряды. Вместо этого они используют обряды, которые усвоили во время Хаджа и других международных контактов» [Ibragimov, Matsuzato 2014, p. 302].

Влияние политики антитеррора на характер государственно-исламских отношений в Дагестане (2002–2013 гг.)

В 2000-е гг. частью исламополитической жизни Дагестана стала «лесная тема», а слова «лес», «лесные» стали одними из распространенных терминов в республике. Эти понятия отражали характер политического процесса, происходившего в регионе Северного Кавказа в целом. Если говорить более конкретно, то данные термины означали переход исламской политики в политику антитеррора. Данная трансформация определила характер социально-политической и религиозной трансформации Дагестана в указанный период.

Хотя данная история выглядит очень сложным и многоаспектным процессом, тем не менее нам нужно зафиксировать ключевые составляющие исламополитической трансформации. Самое первое событие из этого ряда – введение в республике президентского поста и переход региона к президентской форме правления. Дагестан перешел к этой форме правления самым последним из российских республик, до последнего сохраняя систему коллективного руководства. Таким институтом коллективного руководства был Госсовет во главе с председателем Магомедом Магомедовым, который успешно провел республику через горнило 1990-х гг. Кремль согласовал отставку Магомедова, после чего рекомендовал Муху Алиева на должность президента республики. Так Алиев стал первым в истории Дагестана президентом этой республики, чью кандидатуру одобрил местный

парламент – Народное Собрание Дагестана. Однако благодарный федеральный центр в качестве компенсации Магомедову поддержал кандидатуру его сына – Магомедсалама Магомедова – на должность спикера регионального парламента. Эту должность Магомедов-младший занимал до своего назначения на пост президента республики в 2010 г.

Муху Алиева можно назвать уникальным руководителем республики. Он был типичным продуктом советского идеологического воспитания, ставшим одним из немногочисленных примеров чиновников-бессребренников в постсоветской России. Он не был вовлечен в клановую политику, в клиентелистские группировки и коррупционные схемы. Алиевский подход в отношении радикального ислама и сопровождавших его антитеррористических практик вовсе можно назвать необычным. Его подход можно назвать «идеологическим детерминизмом». Муху Алиев раскритиковал повсеместно распространенные трактовки салафитов (которых СМИ, силовики и чиновники подчеркнуто называли «ваххабитами») как пособников антироссийских сил и интересов.

Надо понимать, против какого тренда пошел новый глава региона, поскольку указанные трактовки закрепились в качестве доминирующего объяснения среди религиозных и светских лидеров Дагестана. Алиев признавал, что ваххабизм был не только социальной девиацией, но и религиозным феноменом, который подпитывала несовершенная и несправедливая социоэкономическая реальность России, прежде всего коррупция. Главным принципом борьбы против радикального ислама стал алиевский подход, который заключался в том, что надо «не с террористами бороться, а бороться с терроризмом, изучить инфраструктуру воспроизводства терроризма, идеологию терроризма». На протяжении 2006–2009 гг. Алиев дважды организовывал общероссийские научные конференции на темы ислама и терроризма, а также поддерживал исламские научные исследования в Дагестане. Однако такое увлечение академическими рассуждениями и теологическими аспектами проблемы затрудняло проведение разграничительной линии между умеренными и вооруженными салафитами («лесными»), что не могло устраивать федеральный центр. Это было признанием того, что алиевские исламополитические подходы потерпели неудачу, что предопределило уход Муху Алиева с дагестанской политической сцены.

В атмосфере нарастания религиозно-политического противостояния наступающий 2010-й год должен был стать рубежом, после которого дагестанские власти начнут проводить новую стратегию с целью ввести ситуацию в республике в стабилизационное русло. Предпосылками таких ожиданий должны были стать кадровые изменения в политическом руководстве региона.

10 февраля 2010 г. в республике появился новый руководитель Магомедсалам Магомедов, которого на эту должность предложил тогдашний президент РФ Дмитрий Медведев. Местный парламент – Народное Собрание Дагестана – утвердило хорошо знакомую ему кандидатуру Магомедова.

Новый президент Дагестана радикально изменил характер государственно-исламских отношений в республике. Если прежний руководитель региона Муху Алиев демонстрировал светский характер своей власти, то Магомедов подчеркивал свою мусульманскую принадлежность, особенно в том, что касалось публичных мероприятий. Демонстрировал он также свою социально-образовательную мобильность. Он был доктором экономики, преподавал в университете и был вовлечен в местные бизнес-проекты.

Особенно интересными можно признать его политическое мировоззрение и идеологические предпочтения. От своего предшественника его также отличало сугубо рациональное видение проблем, стоящих перед государственно-исламскими отношениями Дагестана. Он не воспринимал серьезно идеологические проблемы, связанные с исламом, а следовал чисто прагматичной логике: если в республике накопились проблемы с радикальными мусульманами (салафитами/ваххабитами/«лесными»), то почему бы не попробовать сотрудничать с этими группами в социально-политической сфере? Приведенные обстоятельства означали старт нового политического курса в государственно-исламской сфере: попытку проведения «мягкой линии» в преодолении терроризма в регионе.

Магомедсалам Магомедов, работавший при тесном взаимодействии с Национальным антитеррористическим комитетом (НАК), разработал и выдвинул новую политику для преодоления радикализма и терроризма внутри республики. Политика была нацелена как на сдерживание, так и на нейтрализацию (в смысле изоляции) радикальной части республиканского салафизма с привлечением к публичному взаимодействию широкого круга общественно-политических сил. Если говорить более конкретно, то речь шла об организации того, что впоследствии назвали «широким гражданским диалогом» в регионе. Диалог предполагалось проводить между ключевыми социально-политическими фракциями, составляющими республиканский политический процесс: светским руководством Дагестана и умеренными салафитами, радикальными салафитами («лесными») и суфийскими («традиционными») духовными структурами.

Здесь нет смысла анализировать составляющие данного курса. Нам важно увидеть политические и государственные коалиции, участвующие в этом процессе. Комбинация политических фракций, вовлеченных в данный процесс, оказалась очень сложной и включала в себя совокупность взаимоотношений между следующими участниками: 1) светские власти Дагестана; 2) конфигурация из Национального антитеррористического комитета (НАК), ФСБ и МВД; 3) ДУМ (Духовное управление мусульман Дагестана); 4) умеренные салафиты; 5) радикальные салафиты (так называемые лесные); 6) внутрисуфийская оппозиция в адрес ДУМД.

С появлением «лесной» темы в исламополитической жизни республики наметилась новая тенденция: несмотря на предпринимаемые усилия по реализации «мягкой линии» в отношении заблудшей мусульманской молодежи, борьба с терроризмом стала фактором

политической и гражданской жизни Дагестана и частью местного политического дискурса. Еще одной уникальной чертой исламополитического развития Дагестана можно назвать то, что мусульманские лидеры республики вышли в публичную политику. Они создали электоральное общественное движение «против коррупции» накануне парламентских выборов 2016 г. Данный шаг можно рассматривать как вызов мусульманских лидеров официальной власти региона. К сожалению, данная инициатива не получила своего продолжения, а мусульманские лидеры не стали постоянной частью местного публичного политического процесса.

Заключение

Таким образом, ключевой характеристикой исламополитического развития Дагестана можно считать переход от упрощенного социально-религиозного противостояния по линии «традиционные мусульмане – ваххабиты» к усложнению исламополитических взаимоотношений в контексте «интернационализации» всего российского мусульманского сообщества. Данная эволюция включала в себя следующие взаимосвязанные процессы.

1. Создание печально знаменитой «лесной темы» – перевод государственно-исламских отношений в тематику «антитеррора» с целью военно-силовой ликвидации «лесного подполья». Пик данной политики пришелся на 2006–2010 гг.

2. Попытки перевести силовую политику в русло проведения так называемой «мягкой» линии борьбы с терроризмом. Частью данного курса можно считать гражданский диалог, который был направлен на «помощь заблудшим» – оказание содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить экстремистскую деятельность. Данная политика проводилась в период с 2010 по 2013 гг.

3. Новый возврат к военно-силовым методам и возрождение жесткой линии, связанные с необходимостью гарантировать безопасность сочинской Олимпиады 2014 г. Ренессанс жесткой линии объяснялся появлением дополнительного устрашающего фактора – возникновением ИГИЛ и роста его влияния в мире. Данный курс возродился с 2013 г. Для него был характерен новый политический дискурс, который превратил тему насилия и «борьбы с терроризмом» в важный фактор политической и гражданской жизни Дагестана.

4. Стабилизация всех этих составляющих в «новом курсе» очередного главы Дагестана В. Васильева (с 2015 по 2019 г.).

Литература

- Абдулагатов 2011 – *Абдулагатов З.М.* Проблема умеренности в дагестанском салафизме // Дагестанский социологический сборник. 2011. № 3 (12). С. 88–101.
- Ислам от Каспия до Урала 2007 – *Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход: Сб. статей / Под ред. К. Мацузато.* М.: РОССПЭН, 2007. 266 с.

- Ярлыкапов 2012 – *Ярлыкапов А.* Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе // Кавказ и Глобализация. 2012. Т. 6. № 3. С. 3–18.
- Ibragimov, Matsuzato 2014 – *Ibragimov M.-R., Matsuzato K.* Contextualized Violence: Politics and Terror in Dagestan. Nationalities Papers. London, 2014. Vol. 42. No. 2. P. 286–302.

References

- Abdulagatov, Z.M. (2011), “Problema umerennosti v dagestanskom salafizme”, *Dagestanskii sotsiologicheskii sbornik*, no. 3 (12), pp. 88–101.
- Ibragimov M.-R, Matsuzato K. (2014). “Contextualized Violence: Politics and Terror in Dagestan”, *Nationalities Papers*, vol. 42, no. 2, London, pp. 286–302.
- Matsuzato, K. (ed.) (2007), *Islam ot Kaspiya do Urala: makroregionalnyi podkhod*, ROSSPEN, Moscow, Russia, 266 p.
- Yarlykapov, A. (2012), “Islam i konflikt na Severnom Kavkaze”, *Kavkaz i globalizatsiya*, vol. 6, no. 3, pp. 3–18.

Информация об авторе

Виктор М. Викторин, доктор исторических наук, профессор, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия; 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, д. 20А; victvic@mail.com

Information about the author

Victor M. Victorin, Dr. of Sci. (History), professor, Astrakhan State University; bld. 20A, Tatishcheva Street, Astrakhan, Russia, 414056; victvic@mail.com

УДК 28:323.1

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-67-80

О диалектике религиозных и этнических отношений:
методологический и региональный аспекты

Магомедэмин М. Гаджиев

*Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия, Gadjiev.dgu@mail.ru*

Аннотация. Речь идет о диалектике двух основных векторов идентификации человека и общества – этнической и конфессиональной. Обосновывается недопустимость крайностей в их оценке, связанных с недооценкой или переоценкой одного из этих факторов. Обосновывается, что влияние религии на этносоциальные процессы в отдельных сферах проявляется с различной степенью интенсивности. Меньше всего религиозное влияние ощутимо в финансово-экономической сфере, поскольку в ней преимущественно действуют общечеловеческие и общегосударственные механизмы. Перечислены некоторые пути оптимизации конфессионального этнического и социального взаимодействия на современном этапе. Автор изучает сложную социально-политическую и духовную ситуацию в недавнем прошлом и рассматривает некоторые негативные последствия деятельности радикальных религиозно-политических движений и организаций в республиках Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, религия, ислам, религиозный экстремизм, салафизм, межнациональные отношения

Для цитирования: Гаджиев М.М. О диалектике религиозных и этнических отношений: методологический и региональный аспекты // Вопросы этнополитики. 2020. № 4. С. 67–80. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-67-80

On the dialectics of religious and ethnic relations:
methodological and regional aspects

Magomedemin M. Hajiyev

*Dagestan State University, Makhachkala, Russia,
Gadjiev.dgu@mail.ru*

Abstract. We are talking about the dialectic of two main vectors of identification of a person and society – ethnic and confessional. The author substantiates the inadmissibility of extremes in their assessment, associated with underestimation or overestimation of one of these factors. It is proved that the influence of religion on ethno-social processes in certain spheres is manifested with varying degrees of intensity. Religious influence is least noticeable in the financial and economic sphere, since it mainly operates universal and national mechanisms. Some ways of optimizing confessional ethnic and social interaction at the present

© Гаджиев М.М., 2020

stage are listed. The author studies the complex socio-political and spiritual situation in the recent past and examines some negative consequences of the activities of radical religious and political movement and organizations in the republics of the North Caucasus.

Keywords: North Caucasus, religion, Islam, religious extremism, Salafism, international relations

For citation: Hajiyev, M.M. (2020), "On the dialectics of religious and ethnic relations: methodological and regional aspects", *Issues of Ethnopolitics*, no. 4. pp. 67–80, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-67-80

Введение

В жизни любого сообщества и государства, пусть даже организованного на светских принципах, религиозный фактор играл и продолжает играть существенную роль. В «спокойные» периоды общественного развития этнические и религиозные механизмы формируют относительно непротиворечивое единство на основе совпадения общих целей государства и институтов гражданского общества. В маргинальные и переходные периоды общественного развития некоторые противоречия между этническим и конфессиональным обустройством общества «выплескиваются» наружу, достигая серьезного накала.

В социально-политической жизни Северного Кавказа религиозный фактор всегда играл определяющую роль, особенно в аспекте межэтнических отношений. Именно через исламскую религию на Северном Кавказе сформировалась новая *надэтническая метрика северокавказской идентичности*, объединяющей большинство его народов. Представители иных конфессий также так или иначе испытывают влияние этой доминирующей в регионе модели религиозной идентичности, особенно на бытовом уровне, в практике повседневного общения.

Такая духовная ситуация была далеко не всегда; только определенные социально-политические условия потребовали появления такого надэтнического механизма регионального единения всех этносов. Таким первым историческим фактором, выдвинувшим религиозный аспект на передовые рубежи социальной консолидации, стал драматический период царской экспансии на Кавказ и начавшаяся национально-освободительная борьба кавказских народов в XIX в.

Второй такой период усиления роли религиозного фактора в общественной жизни связан с распадом СССР, «парадом суверенитетов», возникновением мощных центробежных тенденций во многих российских регионах. Именно религия стала рассматриваться в качестве основного инструмента консолидации северокавказских народов и выработки идеологии, оппозиционной официальной власти в стране и регионе.

*Методологический и теоретический
контексты проблемы*

Речь в данной статье должна идти о диалектическом взаимодействии двух важнейших векторов культурной и социальной идентификации народов – этнонациональной и религиозной. Тут не должно быть крайностей, связанных, во-первых, с недооценкой религиозных факторов в этногенезе и, во-вторых – переоценкой этого влияния, с абсолютизацией роли религиозного влияния на мыслительный и поведенческий менталитет кавказских народов. С одной стороны, религиозный фактор в цивилизационном развитии во всем мире играл ключевую роль, начиная с Крестовых походов и исламской экспансии на Запад во времена арабского халифата. Особенно велика эта роль на Северном Кавказе, что стало возрождаться в 90-е годы XX столетия в связи с известными социально-экономическими и духовными изменениями постсоветского периода.

С другой стороны, не должно допускаться переоценка влияния религиозного фактора на важнейшие сферы общественной жизни хотя бы потому, что этнические общности и этническая идентичность на Кавказе сформировались намного *раньше*, чем произошло образование исламской конфессиональной идентичности. Поэтому исторически получилось так, что в сознании народов ислам преимущественно представляет собой не элемент мировоззренческой самоидентификации, а этническую ценностную систему, что имело в качестве следствия некоторую искусственную абсолютизацию роли ислама в духовных и интеллектуальных процессах у народов Северного Кавказа. Приведем еще некоторые другие аргументы, подтверждающие установку на недопустимость абсолютизации исламского фактора на этнокультурные процессы на Кавказе.

Во-первых, не следует исключать то обстоятельство, что Северный Кавказ – это далеко не «эпицентр» исламской цивилизации, а, скорее, периферия, в которой мусульманство, его символика и обрядность утверждались долго и с трудом, со значительными содержательными и культовыми издержками и деформациями [Билалов 2008].

Во-вторых, если исследовать весь хронотоп социально-культурного и конфессионально-духовного развития, то не следует забывать, что ислам – достаточно позднее явление в культуре. К моменту начала процессов исламизации народов Кавказа у них уже сложился устойчивый социокультурный код, под влиянием которого происходили консолидация определенных этносов и формирование определенной поведенческой и познавательной культуры.

В-третьих, современная наука показывает, что северокавказские народы достаточно близки друг другу по генетическим, ментальным и психосоматическим признакам, формирование которых происходило задолго до исламского завоевания Кавказа. Об этом свидетельствует общность элементов культуры многих народов Кавказа, возникших задолго до всякого монотеизма. Примером может служить нартский эпос, присутствующий в духовной жизни многих ислам-

ских и христианских северокавказских народов, а также общность языков, внешне совершенно не похожих друг на друга. Например, как отмечал знаменитый Н.Я. Марр, поразительное генетическое единство аварского и армянского языков настолько очевидно, что методологически неверно «без аварского лингвистическое изучение языков Армении»¹.

В-четвертых, это отмеченное обстоятельство позволяет утверждать о необходимости наделения кавказского культурного ареала самостоятельным *цивилизационным статусом*. Как указывает В.Е. Давидович, есть все основания для возведения культурной зоны Кавказа в ранг самостоятельной цивилизации безотносительно к вероисповеданию составляющих его народов, в частности, и из-за таких идентичных моментов национальной психологии, как свободолюбивый дух, горячность, признание авторитета старейшин, скрупулезное соблюдение этикетных норм [Давидович 2000].

Такая особенная цивилизация на Северном Кавказе формировалась исторически на протяжении всего цивилизационного развития всех его народов. Не секрет, что, хотя на Кавказе еще в IV–VI вв. распространялось христианство, а в VII–VIII вв. – ислам и все кавказские народы формально считались либо христианскими, либо мусульманскими, фактически, особенно в высокогорных районах, сохранялись пережитки более древних верований и культов, архаичные черты общественного и хозяйственного укладов с пережитками патриархально-родовых и патриархально-феодалных отношений. Особенно это заметно у осетин, саванов, черкесов, абхазов, ингушей и других народов.

В-пятых, зачастую преувеличивается консолидационная и интеграционная функция религии в этногенезе и потому, что часто забывается то обстоятельство, что она, как известно, не только сплачивала роды и племена в этническую общность, но и разъединяла их. Не секрет, что межплеменная и межнациональная рознь, разделяющая этносы между собой, часто осуществлялась под флагом защиты «истинного» вероучения.

В-шестых, нет особой необходимости доказывать в силу очевидности, то обстоятельство, что глубинные корни межэтнического единства народов Кавказа заключаются в единстве их бытовой, обрядово-ритуальной и языковой культуры, в близости этнокультурной психологии. Все они обладают так называемой полиактивной культурой, опирающейся не столько на абстрактную и обезличенную идеологию, пусть даже религиозную, сколько являют собой результат общения, личного знакомства, куначества, родственных и дружеских связей и т. д.

¹ *Марр Н.Я.* Непечатый источник истории Кавказского мира. Пб., 1917. С. 331. [Электронный ресурс]. URL: http://go.mail.ru/redirect?src=19ef56&via_page=1&oqid=7c833dc38bd7e174&type=sr&redirect=eJzLKcKpsNLXT9XN3C3KLElMT9UrKtUvSizWL8tMLdcvKE3KyUxOLMnMz9NPT81LLUrM0csoyc2xz0yxNTW2MLi0NDJgYDA0NTczMjYwNrFgqFzD96fXwMB_rvTrpxVEbxZ4DAD2LIog&user_type=5d. (дата обращения 12.06.2020).

Если попытаться переложить особенности исламской социально-экономической и финансовой модели на кавказскую действительность, то можно заметить, что они практически почти никак не проявляются. Это – естественное следствие конституционно закрепленного единства всероссийского финансово-экономического пространства и правовых механизмов его регулирования, без чего невозможно федеративное устройство полиэтнического и многоконфессионального государства. В таких условиях, естественно, экономика и финансы должны быть *надконфессиональными и надэтническими*. В связи с этим президент Турции Р. Эрдоган справедливо отмечает, что экономика не должна иметь религии, главные составляющие экономического развития – производство, торговля, информационная и денежно-кредитная система универсальны для всех культур, поэтому в развитии исламской экономики нет никакого смысла. И даже если она есть, то не выходит за рамки мусульманских религиозно-правовых теорий².

Конечно, сказанное не означает, что финансово-экономическая жизнь полностью исключает этноконфессиональные особенности. Они имеются, и их чрезвычайно важно учитывать, особенно в повседневной практике организации хозяйственно-экономического управления. Это связано с тем, что простой перенос западной модели экономической жизни и «экономического человека» на российскую модель социально-экономического человека, а последней – на региональную модель означает утрату практической эффективности многих экономических и финансовых общественных механизмов.

Такие важные региональные особенности северокавказской финансово-экономической жизни заключаются в следующем:

- наличие избыточных внерыночных рычагов управления экономикой, некоторая недооценка значения рыночных отношений и предпринимательства в современных условиях;
- традиционализм в сознании и поведении, что отражается в недостаточной устремленности к инновациям, экономическим и социальным преобразованиям;
- консерватизм семейно-бытовых отношений, где присутствуют достаточно одномерные гендерные ролевые различия, в том числе в процессе вовлечения в производственно-экономическую деятельность, и т. д.;
- слабая ориентированность на демократические механизмы управления общественной жизнью. В этом плане горский этнокультурный менталитет в большей степени тяготеет к восточным автократическими традициям, где всегда был высок авторитет власти и отдельной личности. Это является одной из причин отсутствия устойчивых исторических традиций гражданских демократических отношений и доминирования авторитарных, административных методов управления всеми социальными процессами как в прошлом, так и сейчас;

²Erdogan R. The economy does not have a religion. 2018 [Электронный ресурс]. URL: /http://www.ntvmsnbc.com. (дата обращения 15.10.2020).

- одним из важных показателей социально-экономического благополучия или, напротив, неблагополучия общества являются показатели социально-экономического и имущественного расслоения в нем. В связи с этим необходимо отметить, эти показатели по Северному Кавказу говорят о более сильной поляризации и социальном расслоении населения, чем в целом по стране. Имущественная поляризация бросается в глаза. Для этого не надо даже проводить социологических измерений; достаточно посмотреть на дома в городах и селах. Это говорит о многом, но прежде всего оно свидетельствует о том, что не сформировался надежный «средний класс», который, как известно, всегда был и остается опорой гражданского общества;
- одна из серьезных причин слабости роли институтов гражданского общества состоит в том, что у нас никогда не было и нет до сих пор эффективной оппозиции в экономической, политической и идеологической сферах. Присутствие определенного духа оппозиционности чувствуется только в религиозной сфере, но известный накал конфронтации и конфликтности, существующий в этой сфере, не позволяет эффективно реализовать конструктивный потенциал различительных культурных и конфессиональных механизмов. Да и «запретительная» стратегия, доминирующая в обществе под флагом борьбы с экстремизмом в сознании и поведении людей, не позволяет оппозиции утвердиться и закрепиться в качестве позитивной и созидательной силы, способствующей социальному и экономическому прогрессу [Агаева 2019].

Еще одна фундаментальная причина слабости институтов гражданского общества и недостаточной развитости демократических традиций, о которых мы говорили, заключается в определенных деформациях в социальной структуре северокавказского сообщества, механизмах социальной стратификации и мобильности. Здесь прежде всего имеется в виду значительное уменьшение доли русского населения, носителей христианского и вообще немусульманского вероисповедания, среди которых преобладали представители рабочего класса и интеллигенции. Особенно ощутимо уменьшение доли русского и немусульманского населения в Чечне и Ингушетии, где оно практически исчезло. Не случайно в тексте федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на 2014–2020 годы» подчеркивается, что определенные трудности, которые РФ испытывала в постсоветский период, привели к ограничению в некоторых субъектах страны прав нетитульного, в том числе русского, населения³.

Необходимо заметить, что время действия этой важной программы уже завершается, но существенных изменений в направлении увеличения доли русского и немусульманского населения не произо-

³ Романов М. Почему мы теряем Северный Кавказ? [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2013/48/pochemu-myi-teryaem-severnyij-kavkaz/> (дата обращения 06.11.2020).

шло, поскольку все запланированные мероприятия носили преимущественно культурно-просветительский характер, не затрагивая финансово затратных экономических и социальных преобразований.

Дошло до того, что многие северокавказские республики и по причине отсутствия высококвалифицированных управленческих кадров, и наличия чрезвычайно сильных коррупционных составляющих вынуждены приглашать со стороны кадры на наиболее ответственные должности. И это при том, что по количеству лиц, имеющих высшее образование, северокавказские республики впереди всей планеты. Я уже не говорю об острой нехватке квалифицированных токарей, фрезеровщиков и других базовых рабочих профессий, в которых нуждается возрождающаяся промышленность в республиках. Не секрет, что основная масса этих квалифицированных специалистов состояла из русского и немусульманского населения. Как справедливо отмечает Ю.А. Будницкая, в качестве приоритетной задачи всей миграционной политики в национальных республиках необходимо срочно остановить отток русского населения и стимулировать формирование механизмов их возвращения в республики. Это позволит затормозить процесс *этноизоляции* национальных республик и будет способствовать восстановлению и развитию тех сфер экономики, в которых преимущественно было занято русское население (промышленность, образование, здравоохранение, крупное сельскохозяйственное производство) [Будницкая 2009].

Некоторые политологические и региональные аспекты проблемы

В конце XX столетия процесс распада советской государственности привел к резкому росту в республиках Северного Кавказа националистических тенденций, где религиозный фактор стал определяющим в дезинтеграционных процессах. Он вначале активно стал использоваться сторонниками социально-политической независимости республик, а позднее – представителями радикальных, экстремистских направлений в исламе, прежде всего *салафизма*. Представители последнего в течение длительного времени использовали религиозный фактор в качестве инструмента поляризации сил в обществе для привлечения молодежи в деструктивные практики, ориентированные на непримиримую духовно-идеологическую борьбу с официальной властью, экстремистскую и террористическую деятельность в регионе и стране в целом.

Таким образом, религиозный фактор стал определяющим в эскалации экстремизма и терроризма. Все без исключения республики были вовлечены в этот деструктивный процесс духовного и практического противоборства. Одни республики – Чечня, Дагестан, Ингушетия – в большей степени; другие – Ставропольский край, Краснодарский край, Ростовская область, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Адыгея и другие – в меньшей степени.

Необходимо отметить, что распространению салафизма способствовали многие объективные обстоятельства, такие как: ухудшающаяся экономическая ситуация в республиках; имущественная и социальная поляризация в обществе; разочарование молодежи в способности региональных властей решить проблемы трудоустройства и социальных гарантий, отсутствие надежных социальных лифтов для профессионального и социального роста и т. д. В качестве еще одной важной причины распространения салафизма необходимо отметить и существенные ошибки традиционного исламского духовенства в республиках. Видя в нем угрозу своим политическим и религиозным позициям, они пошли по пути требований к властям полностью запретить всякую их деятельность, объявления всех без исключения инакомыслящих врагами общества и подлинной веры.

Для иллюстрации взаимосвязи этнических и религиозных процессов интересно проследить их закономерную динамику на примере сепаратизма в Чечне. В самом начале известных чеченских событий сепаратизм имел преимущественно социально-политическую подоплеку. Ислам если и имел отношение к сепаратистским настроениям и действиям, то только свой, классический ислам, распространенный в регионе. Ситуация существенно изменяется в период Первой чеченской кампании, когда уже именно воинствующие представители салафизма проявляли наибольшую жестокость по отношению к федеральным силам и мирному населению. Это привело к известному сближению сепаратистских сил с деятельностью салафитов. Тем более шла мощная финансовая поддержка со стороны многих международных фондов Саудовской Аравии и других стран. В результате носители салафитской идеологии заняли лидирующие позиции в сепаратистском движении в республике.

Одновременно сепаратизм, экстремизм и терроризм менялись и организационно. Вначале, до 2013–2014 гг., основной организацией и носителем всей идеологии был «Имарат Кавказ», сформировавшийся на основе чеченского сепаратизма, позднее к ним присоединились «джамааты» из других кавказских республик. Последующее расширение ареалов действия сепаратизма, экстремизма и терроризма связано с появлением новой, более развернутой организации «Исламское государство», что привело к оттоку значительных радикальных сил из Северо-Кавказского региона в Сирию, Ирак, Ливию и др.

Таким образом, существенным образом меняется характер самого сепаратизма: он *перестает быть этносепаратизмом* и трансформируется в международное религиозно-экстремистское движение, ведущее непримиримую религиозную войну с «неверными» на территории всей России и на международной арене. Об этом свидетельствуют боевые действия в Сирии, Ливии.

Экстремизм перестал быть единичным, эпизодическим, экстраординарным явлением и трансформировался в один из радикальных способов решения различных политических, религиозных, этнических и общекультурных проблем и приобрел перманентный

статус. Это вытекает из социально-экономической, политической, этнорелигиозной и идеологической ситуации в современном мире, находящемся в системном кризисе, затрагивающем все стороны жизнедеятельности человека.

Таким образом, нет и не может быть «чистого» изолированного религиозного или этнического экстремизма; они, как правило, действуют одновременно. И в зависимости от конкретной исторической ситуации в качестве доминирующих на передний план могут выдвигаться этнические или религиозные лозунги и требования. Действительно, история знает множество примеров не только религиозного, но и *этнического экстремизма*, построенного на обостренном и болезненном восприятии человеком и общностью своей национальной и культурной принадлежности, традиций, нравов, образа жизни народов. Известно, что основная цель носителей такого экстремизма – это формирование у людей образа исторической и политической жертвы, чьи интересы несправедливо были ущемлены в прошлом и настоящем в своих правах и возможностях; чувства агрессивности по отношению к другим; этнофобии; об определенных «исторических счетах» по отношению к государствам и другим народам и т. д. Люди часто предпочитают этническую идентичность другим механизмам самоопределения.

Становится ясно, что для активизации такого рода этнического экстремизма без религиозной составляющей не обойтись.

В связи с продолжающимся противостоянием между классическим исламом, салафизмом-ваххабизмом, суфизмом и другими течениями необходимо высказаться по поводу некоторых перегибов, которые были допущены и властью, и духовными иерархами в этих вопросах. Острота противостояния между различными течениями в исламе несколько спала в последнее время, за этим последовала более взвешенная их оценка, без радикальных обвинений в адрес друг друга, объявления «врагами» подлинной веры. Наступило время понять, что имевшие в недавнем прошлом пропагандистские штампы типа «Долой ваххабизм!», «Осторожно, ваххабизм!» или «Нет салафизму!» и т. д. есть не что иное, как открытое их «шельмование» без всякого конкретного анализа, как грубые попытки формирования у населения и верующих определенного изначально негативного и нетерпимого отношения к любому, кто придерживается несколько иных формул веры. Может быть, одна из причин неослабляющегося накала внутриисламского противостояния заключена в этом, когда одни начинают принуждать других к определенной вере и пониманию этой веры? Если мы поймем это, то проблема гармонизации этнического и конфессионального в регионе и стране будет решена.

К сожалению, ситуация усложняется еще тем, что некоторые представители Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) занимали такую неконструктивную позицию, согласно которой клеймо «салафит» или «ваххабит» означает экстремист или, что еще хуже, террорист. Дело доходило до того, что некоторые переводы Корана были названы экстремистскими, в том числе лауреата Государствен-

ной премии РФ М.-Н.О. Османова⁴. Примерно такая же установка в оценке ваххабизма как исключительно экстремистского учения, искажающего истинный смысл Корана и хадисов, содержится в работе Курамухаммада-хаджи Рамазанова, который отмечает: «Где бы ваххабисты ни появились, там они сеют смуту среди людей, стравливают простой народ с представителями власти, таким образом нарушая закон и порядок в этих странах. Из-за их деятельности у людей всего мира складывается мнение об исламе как об экстремистской, жестокой, агрессивной и дикой религии» [Рамазанов 2008].

Как совершенно справедливо отмечал З.М. Абдулагатов, один из руководителей рабочей группы экспертного совета Антитеррористического комитета РД на пленарном заседании конференции в Махачкале по профилактике экстремизма, «представители ДУМД, а под их влиянием и представители власти, в определении «ваххабита», террориста, экстремиста смешали два совершенно различных явления: а) склонность к насилию под религиозными, а часто – под квазирелигиозными лозунгами; б) твердую приверженность к определенным убеждениям и индивидуальному образу жизни, которые человек считает правильными» [Абдулагатов 2016].

Это различие не было учтено даже в законе «О запрете ваххабистской и иной экстремистской деятельности на территории РД», принятого Народным Собранием РД в 1999 г., где ваххабизм однозначно был определен как экстремизм без всякого учета конкретно-исторических реалий и конституционных норм, регулирующих свободу вероисповедания. При этом не надо забывать, что этот закон был положен в правовую основу всей деятельности республиканских ведомств и правоохранительных органов и продолжает действовать до сих пор.

Стало сейчас уже очевидно, что сами по себе канонические различия, различные подходы к пониманию смыслов Священных писаний, к пониманию роли тех или иных пророков и других персонажей вероучений, вопросы собственного понимания символов веры, если они не сопровождаются насильственными и карательными действиями, не могут считаться экстремистскими. Другими словами, здесь категорически недопустимо мышление или поведение по формуле: «сектант или ваххабит – значит экстремист». В этом мы усматриваем прямое нарушение конституционной нормы о свободе вероисповедания, а для ислама она есть непосредственное несоблюдение формулы *иджитихада*, согласно которому каждому мусульманину дано право самостоятельного понимания смыслов текстов Корана и Сунны исходя из своего мироощущения и воспитания.

Поэтому стремление ограничить кого-то во внутриисламском конфессиональном диалоге, осуществляемом в конституционно-правовом поле, без всяких сепаратистских и экстремистских призывов, обвиняя кого-то в экстремизме, само по себе уже являет собой экстремизм, но только с «другой» стороны, поскольку связан с радикализ-

⁴Предупреждение – Обращение к продавцам и распространителям печатной продукции // Ассалам. 2004. № 7. Апр.

мом, нетерпимостью к другим верованиям и их смыслам. Ведь уже на законодательном уровне однозначно решено, что вопросы веры, Священные тексты не могут быть предметом дискурсов на предмет экстремизма. И это надо понимать не только в историческом плане, но и в логическом, то есть в принципиальном плане, и это должно стать максимой всякой веры и всей государственной и общественной политики по отношению к вере. Кто хоть сколько-нибудь знаком с диалектикой, а ее законы и принципы мышления еще никто не отменял, в любом явлении есть, как минимум, две стороны, реально их бывает больше, и экстремизм и экстремистская деятельность не являются тут исключения. Пока мы этого не поймем, эффективность профилактики и борьбы с экстремизмом будет ничтожно малой. Ведь экстремизм не в самих формулах веры, а в том, что они используются для расправы с противниками, оппонентами, за влияние на политику и власть, включают в себя элементы радикализма и насилия.

Поэтому, как справедливо отмечает К.Г. Ланда – один из идеологов и организаторов антиэкстремистской стратегии в Дагестане, пора более активно работать со всеми законопослушными течениями в мусульманской среде, привлекая к контрпропагандистской работе их авторитетных алимов. Наша цель – сделать их своими союзниками в борьбе с идеологией экстремизма и терроризма [Ланда 2016].

На базе такой разумной современной установки в республике найден более или менее удачный вектор гармонизации различных подходов в исламе. И начиная с 2010 г. постепенно было прекращено преследование «мирных» салафитов, ориентированных в канонические глубины исламского вероучения, предпочитающих проповедническую деятельность, без всякого экстремизма и сепаратизма. В итоге между традиционным духовенством и салафитами сформировалось концептуальное взаимопонимание. Эта позитивная практика в полной мере может быть использована, конечно же, при условии соответствия конкретной ситуации, и в других северокавказских республиках с целью обеспечения безопасного развития в условиях вызовов современной реальности [Семьгин, Верещагина 2014].

Сказанное выше убеждает нас в том, что к ваххабизму, как и к любому социальному и духовному явлению, необходимо подходить дифференцированно и вместо «навешивания ярлыков» нужно стремиться раскрывать объективную картину. Тем более что не ко всякому исламскому фундаментализму подходит оценка как экстремистской идеологии. Как совершенно справедливо отмечает В.В. Ким, исламский фундаментализм неоднороден и включает в себя следующие формы, некоторые из которых не могут быть негативно оценены, а именно:

- *теоретический фундаментализм*, который занимается сугубо исследовательскими дискурсами, пытаясь глубже понять действительное исламское внутриконфессиональное многообразие. В условиях мультиконфессионализма такой теоретический конструкт имеет полное право на существование;
- *салафитский фундаментализм* суннитского направления ислама, призывающего возвратиться к истинной вере предков

и отбросить все нововведения. Они апеллируют к социальному порядку через соблюдение чистоты веры, и, если не нарушать законы и не придерживаться экстремистских формул мышления и поведения, в этом также нет ничего разрушительного для общества, что давало бы государственным органам и службам правопорядка обвинять их в экстремизме. Ведь есть же и в других конфессиях течения, требующие вернуться к первоначальным истокам, поскольку последующее развитие «замутило» чистоту первоначальных религиозных истин. И никто не обвиняет их в экстремизме;

- *фундаментализм суннитских радикальных и террористических групп*, целью которых является утверждение исламского менталитета на основе насилия, террора, запугивания населения, истребления иномыслия, как это характерно для талибана, Аль-Каиды, ИГИЛ и т. д.;
- *фундаментализм шиитов*, примерами которого является социально-политическое обустройство в современном Иране, а также движений «Хизбалла» (партии Аллаха) и «Талибан» (от араб. талиб – «ищущий знания»), деятельность которых запрещена в большинстве стран мира [Ким 2014].

Мы привели этот перечень основных направлений исламского фундаментализма, прежде всего, чтобы убедиться в том, что далеко не все они являются радикальными и экстремистскими, например теоретический и салафитский фундаментализм, что необходимо учитывать при определении объектов для профилактической антиэкстремистской работы государственных и, особенно, силовых структур.

Заключение

Таким образом, основное содержание данной статьи можно свести к следующим формулировкам:

1. Ислам рассматривается как надэтническая составляющая современной северокавказской социальной и культурной идентичности, общая для большинства населения. Именно в таком качестве он выступает важнейшим консолидирующим фактором в регионе.

2. Недопустимы крайности в понимании диалектики взаимодействия этнических и религиозных механизмов, что выражается или в недооценке, или переоценке одних в ущерб другим. Они друг без друга не существуют; соответственно, и экстремизм не может быть чисто этническим или религиозным.

3. Религиозный фактор в разной степени интенсивности влияет на различные сферы этносоциальной жизни. В бытовой сфере, в практике межличностного общения это влияние достаточно ощутимо, а в производственной, экономической, финансовой сферах он выражен значительно слабее.

4. Существенные причины объективного и субъективного порядка в недавнем прошлом деформировали конструктивные векторы

взаимодействия религии, общества и государства, породили различные формы экстремизма и терроризма.

5. В последнее время наметились конструктивные пути снятия внутриисламских противоречий, что позволяет гармонизировать взаимодействие религии и этносов и всего северокавказского сообщества.

Литература

- Абдулагатов 2016 – *Абдулагатов З.М.* О показателях экстремизма и терроризма в Республике Дагестан // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–19 ноября 2016 г.) / Под ред. проф. М.Я. Яхьяева. Махачкала: Алеф, 2016. С. 3–4.
- Агаева, 2019 – *Агаева М.Г.* Особенности северокавказской культуры и ее влияние на региональное социально-экономическое развитие // Гуманитарии Юга России. 2019. Т. 8. № 5. С. 238–247.
- Билалов 2008 – *Билалов М.И.* Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры. М.: Academia, 2008. 144 с.
- Будницкая 2009 – *Будницкая Ю.А.* Демографические и миграционные процессы, их этнокультурные особенности в субъектах Северного Кавказа: Автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 2009. 25 с.
- Давидович 2000 – *Давидович В.Е.* Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский центр высшей школы. 2000. № 2. С. 42–47.
- Ким 2014 – *Ким В.В.* Экстремистские потенции религиозного фундаментализма: от истоков до наших дней // Исламоведение. 2014. № 4. С. 13–14.
- Ланда 2016 – *Ланда К.Г.* Экспертный совет при Антитеррористической комиссии в РД как эффективный институт в профилактике экстремизма и терроризма // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–19 ноября 2016 г.) / Под ред. проф. М.Я. Яхьяева. Махачкала: Алеф, 2016. С. 33–38.
- Рамазанов 2008 – *Рамазанов Курамухаммад-хаджи.* Заблуждение ваххабизма в шариатских вопросах // Рамазанов Курамухаммад-хаджи. Различие между ахль ас-Сунна и ваххабитами / Пер. с аварск. У.Г. Магомедова. 2-е изд. Махачкала, 2008. 200 с.
- Самыгин, Верещагина 2014 – *Самыгин С.И., Верещагина А.В.* Глобальные вызовы современности и безопасность цивилизации третьего тысячелетия // Европейский журнал социальных наук. 2014. Т. 2. № 6. С. 45–52.

References

- Abdulagatov, Z.M. (2016), "O pokazatelyah ekstremizma i terrorizma v Respublike Dagestan", *Strategiya i taktika protivodejstviya vyzovam ekstremizma i terrorizma v Rossii na sovremennom etape: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii* [On indicators of extremism and terrorism in the Republic of Dagestan, Strategy

- and tactics of countering the challenges of extremism and terrorism in Russia at the present stage: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (November 18–19, 2016)], Yakhyaeva M. Ya. (ed.), Alef, Makhachkala, Russia, pp. 3–4.
- Agaveva, M.G. (2019), “Osobennosti severokavkazskoj kultury i ee vliyanie na regionalnoe sotsialno-ekonomicheskoe razvitie” [Features of the North Caucasian culture and its impact on regional socio-economic development], *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], vol. 8, no. 5, pp. 238–247.
- Bilalov, M.I. (2008), *Tsivilizatsionnye metamorfozy poznavatelnoj kultury* [Civilizational metamorphoses of cognitive culture], Academia, Moscow, Russia, 144 p.
- Budnitskaya, Y.A. (2009), *Demograficheskie i migratsionnye protsessy, ih etnokulturnye osobennosti v subekтах Severnogo Kavkaza: Avtoref ... dis. kand. ekonom. nauk* [Demographic and migration processes, their ethno-cultural features in the subjects of the North Caucasus. Abstract of the dis. ... candidate of Economics], Moscow, Russia, 25 p.
- Davidovich, V.E. (2000), “Sushhestvuet li kavkazskaya tsivilizatsiya?” [Does the Caucasian civilization exist?], *Nauchnaya mysl Kavkaza. Severo-Kavkazskij tsentr vysshej shkoly* [Scientific thought of the Caucasus. North Caucasus Center of Higher Education], no. 2, pp. 42–47.
- Landa, K.G. (2016), “Ekspertnyj sovet pri Antiterroristicheskoy komissii v RD kak effektivnyj institut v profilaktike ekstremizma i terrorizma” [Expert Council at the Antiterrorist Commission in the Republic of Moldova as an effective institute in the prevention of extremism and terrorism]. *Strategiya i taktika protivodejstviya vyzovam ekstremizma i terrorizma v Rossii na sovremennom etape* [Strategy and tactics of countering the challenges of extremism and terrorism in Russia at the present stage], Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (18–19 noyabrya 2016 g.), Yahyaeva M.Ya. (ed.) [Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (November 18–19, 2016)]. J.M. Iakh'iaev], Aleph, Makhachkala, Russia, pp. 33–38.
- Ramazanov, Kuramuhammad-hadzhi (2008), *Zabluzhdenie vahhabizma v shariatskih voprosah* in Kuramuhammad-hadzhi, Ramazanov “Razlichie mezhd u ahl as-Sunna i vahhabitami”, transl. by U.G. Magomedova, 2nd ed. [“The fallacy of Wahhabism in Sharia matters”. Transl. from the Avar language books Kuramagomed-Hadji Ramazanov “Agile sunnatallah of Agjabledi Giorgio bugel Batalha” (the difference between the AHL as-Sunna and the Wahhabis)], Makhachkala, Russia, 200 p.
- Samygin S.I., Vereshhagina A.V. (2014), “Globalnye vyzovy sovremennosti i bezopasnost tsivilizatsii tretego tysyacheletiya” [Global challenges of our time and the security of civilization of the third millennium], *European Social Science Journal* (Evropejskij zhurnal sotsialnyh nauk), vol. 2, no. 6, pp. 45–52.

Информация об авторе

Магомедэмин М. Гаджиев, доктор политических наук, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Республика Дагестан, Россия; Россия, 367000, Республика Дагестан, Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 37, Gadжиеv.dgu@mail.ru

Information about the author

Magomedemin M. Gadzhiev, Dr. of Sci. (Politics), Dagestan State University, Makhachkala, Dagestan Republic, Russia; bld. 37, M. Gadzhiev Street, Makhachkala, Dagestan Republic, Russia, 367000; Gadжиеv.dgu@mail.ru

УДК 316.35

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-81-95

Актуализация этнического: молодежь между семейными ожиданиями и peer groups

Наталья В. Гончарова

*Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия, nata_gonch@mail.ru*

Ольга А. Елкина

*Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия, dobrayolga@mail.ru*

Аннотация. Статья касается различных аспектов воспроизводства этнокультурных идентичностей молодежи в контексте повседневных практик семейного этнорелигиозного воспитания и взаимоотношений групп сверстников в условиях полиэтничного города. В центре внимания – проблемы согласования разных по характеру нормативных требований семьи и более широкой социокультурной среды полиэтничного региона, в рамках которых происходит переопределение этнических конструктов. Актуализация той или иной модели поведения происходит в процессе осознания всех барьеров и ресурсов, которые значимы в данный момент времени. Одними из факторов, определяющих семейные практики поддержания традиционной культуры и личностной адаптации в инокультурных условиях, являются вовлеченность в земляческие социальные сети, миграционные планы, внутрисемейные карьеры. При этом наиболее ярко проблема согласования разных по характеру нормативных требований семьи и социального окружения проявляется в пространстве гендерных ролей и режимов. Кроме того, в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах в повседневном взаимодействии с peer groups ярко проявляется конфессиональный аспект оппозиции «свой–чужой», а этническая идентичность, базирующаяся на представлениях о своем народе, традициях, образе жизни, характере и манерах поведения других, является основой для формирования межнациональных отношений в молодежной среде.

Ключевые слова: межэтническое взаимодействие, молодежь, этническая идентичность

Для цитирования: Гончарова Н.В., Елкина О.А. Актуализация этнического: молодежь между семейными ожиданиями и peer groups // Вопросы этнополитики. 2020. № 4. С. 81–95. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-81-95

Actualization of the ethnic: youth between family expectations and peer groups

Natalia V. Goncharova
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia,
nata_gonch@mail.ru

Olga A. Elkina
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia,
dobrayolga@mail.ru

Abstract. The article deals with various aspects of on the reproduction of young people's ethno-cultural identities in the contexts of everyday family practices, ethno-religious education and peer group interactions within a wider multiethnic environment. The focus is on the problems of harmonizing the regulatory requirements of the family and the wider socio-cultural environment of the multi-ethnic region, within which ethnic constructions are redefined. Actualization of behavior model occurs in the process of realizing all the barriers and resources that are significant at a given time. One of the factors that determine the family practices of maintaining traditional culture and personal adaptation in foreign cultural conditions is the involvement in social networks, migration plans, and intra-family careers. At the same time, the problem of reconciling different regulatory requirements of the family and the social environment is most clearly manifested in the space of gender roles and regimes. In addition, in multi-ethnic and multi-confessional communities, the confessional aspect of the "friend-foe" opposition is clearly manifested in everyday interaction with peer groups, and ethnic identity, based on the ideas of one's own people, traditions, lifestyle, character and behavior of others, is the basis for the formation of interethnic relations among young people.

Keywords: interethnic interaction, youth, ethnic identity

For citation: Goncharova, N.V., Elkina, O.A. (2020), "Actualization of the ethnic: youth between family expectations and peer groups", *Issues of Ethnopolitics*, no. 4, pp. 81–95, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-4-81-95

Статус этнического меньшинства обуславливает сложный характер этнической идентичности молодежи. Она формируется сочетанием семейных практик поддержания традиционной культуры, собственных предпочтений, ценностных ориентаций, опытом жизни в полинациональной среде и связанных с этим социальных рисков.

Пространство полиэтничного города рождает множество моделей формирования идентичностей. Оно представляется то «культурным супермаркетом», где каждый может опробовать разные роли и сконструировать из имеющихся знаков и символов новые идентичности, то разобщенным пространством. В некоторых исследованиях обнаруживается, что повседневная жизнь многих городских семей замыкается лишь на очень узком круге знакомых. В одних и тех же идентификационных образах одновременно прослеживаются глобальные тренды и локальные вариации [Дети и подростки... 2015].

Проблема заключается в том, что молодежи приходится совмещать разные по характеру нормативные требования, идущие от родителей, учителей и сверстников. С каждой этнической группой связаны особые режимы воспитания, иногда сильно отличающиеся от тех, которых придерживается большинство горожан [Арутюнян и др. 1999]. Адаптация этих режимов друг к другу становится частью межнациональных отношений. В ней сочетаются история семьи, собственный личный жизненный опыт молодого человека, его ценностные ориентиры, осваиваемые специфические этнические и религиозные компетенции наряду с циркулирующими вокруг социальными паттернами. В эти же конструкты включают выгоды, получаемые от жизни в мультикультурной среде, и, напротив, появляющиеся с этим социализационные риски, не говоря уже о семейных практиках поддержания традиционной культуры. При этом нужно понимать, что этнический фактор не всегда играет первостепенную роль, усиливая воздействие других социальных переменных и наполняя их содержанием. Не зря саму этническую идентичность в постмодернистских концепциях все чаще называют гибридной, возникающей на стыке разных социокультурных процессов.

Сама городская среда заметно усложняет этническое определение. Конструирование границ уже не уместается в простые схемы типа «я» – «они», «свои» – «чужие», «друзья» – «враги». Восприятие родственно-земляческих сетей, всей этнической группы, нередко приводит к осознанию того, что и там отыскиваются внутренние «Другие», отступающие от традиционных норм поведения или слишком уж по-современному их интерпретирующие. Этническое измерение принимает в городской среде новые формы (при сохранении некоторых обычаев и ритуалов). Нас интересует, как складывается тот контекст, из которого черпаются актуальные этнические представления, насколько этнически окрашенными оказываются коммуникации в семье и взаимодействие с окружающим миром и какова степень погруженности повседневной жизни молодежи в национальный колорит и соответствующие дискурсы.

Вопрос формирования этнических представлений касается воздействия широкого социального контекста и характеристик ближайшего окружения, сверстников. С одной стороны, молодежь усваивает те этнические установки, которые существуют в семье, нормативные предписания, принятые в данной культурной группе. Дети перенимают у родителей стиль поведения, мотивы, отношения и убеждения. С другой стороны, по мере включения в более широкую социокультурную среду молодой человек ориентируется уже не столько на «внешние источники» (например, родителей, других значимых взрослых), но и на собственные знания, опыт [Сабирова, Андреева 2014].

По данным опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, среди антипатий россиян достаточно продолжительное время лидировал собирательный образ «кавказцев». Именно поэтому мы решили остановиться в своем анализе на интервью представи-

телей кавказских народов, переехавших в крупный многонациональный российский город¹.

Статус «неместного», «приезжего», «чужого» в целом несет определенную отрицательную нагрузку. Здесь напрямую прочитываются контексты восприятия мигрантов – как неких лишних в повседневной системе координат молодежи. А в ситуации сформированного негативного дискурса в отношении представителей кавказских народов процесс выстраивания отношений с окружающими мигрантов из республик Северного Кавказа, а также «кавказских» бывших республик СССР представляется наиболее сложным. В полиэтничной городской среде, где нет единого этнического и культурного контекста, молодежь сталкивается с ситуацией ежедневного выбора поведенческой стратегии. Риски, связанные с принятием стратегических решений о месте жительства, выборе школы, круга общения, дальнейшего образования, ощущение неопределенности для молодежи и подростков переживаются как семейный проект, в котором родительские установки должны выполнять роль «островков безопасности» в социальном пространстве. И случаи нарушения этой гармонии зачастую рассматриваются как ситуации социального неблагополучия. В то же время дети иноэтничных мигрантов могут оказаться заключенными в «ловушке» двух нормативных систем. Нормативные требования среды, в которой оказываются молодые мигранты, видятся максимально вариативными. Множество контекстуальных рамок задают векторы развития и формирования представлений о жизни сейчас и в будущем. Семейные контексты того, что допустимо, а что недопустимо в отношении «правильности» поведения молодежи и подростков, иногда довольно жестко структурируют повседневную жизнь.

Насколько семейные конструкты поведения, маркированные как «правильные» в условиях жизни на родине, воспроизводятся в повседневности после переезда в иную среду? Какой сценарий развития транслируется в разных семьях?

Сегодня в каждом крупном городе существуют различные этнические сообщества, усиление миграционных потоков приводит к формированию многообразных комбинаций из механизмов социализации этнического большинства и меньшинства. В современных этнических исследованиях среди всех традиций, которые образуют само «тело» этничности, ее «ядро», особенно принято выделять именно систему воспитания и контроля родителей. В интервью молодые ребята из иноэтничных мигрантских семей жаловались, что они попадают под сверхнормативный контроль со стороны окружающих, требования, которые предъявляют к ним взрослые и сверстники, гораздо более строгие. Иногда одно лишь подозрение в нарушении такими ребятами общественных норм может вызывать негативную реакцию со стороны этнического сообщества.

¹Статья основывается на материалах 60 глубинных интервью с молодыми людьми 18–22 лет, проживающими в Санкт-Петербурге и Ульяновске, – представителями этнических меньшинств.

Анализируя сценарии коммуникации с окружающей средой ребят из иноэтничных семей, можно отметить несколько устойчивых вариантов проигрывания своей этнической идентичности. Актуализация той или иной модели поведения происходит в процессе осознания всех барьеров и ресурсов, которые значимы в данный момент времени. Одним из факторов, определяющих, насколько семейные практики поддержания традиционной культуры значимы для личностной адаптации в инокультурных условиях, является вовлеченность в земляческие социальные сети. В результате дети и молодежь из иноэтничных семей сталкиваются с проблемой оправданности тех или иных норм поведения. Некоторым из них приходится переживать сложные семейные конфликты по поводу того, что им нельзя одеваться так же свободно, как одноклассникам, и ходить вместе с ними на «тусовки». Порой родительские запреты доходят даже до общения с друзьями в социальных сетях, в том же «ВКонтакте». Помимо доступа к социальным сетям, споры вызывает и их принадлежность к различным субкультурным сообществам. Первому поколению мигрантов в отношении детей приходится решать сложную задачу того, как одновременно достичь социально одобряемого статуса в новых для них социальных условиях и сохранить при этом положение у себя на родине, с которой они продолжают связывать немало жизненных планов.

Еще одним фактором выбора того или иного сценария воспроизводства традиционных практик является планирование переезда обратно на историческую родину. Чем более выражено нежелание возвращаться туда, тем сильнее в семье разделяют стремление детей получить высокое профессиональное образование. Здесь актуализирован сценарий максимальной интеграции в принимающее сообщество, которая начинается с языковой включенности и заканчивается резким снижением значимости соблюдения религиозных норм. В этом случае молодые участники проекта объясняли, что родители сами настаивают на необходимости говорить везде (в том числе и дома) только на русском языке, апеллируя к дальнейшим планам: *жить в России*. Расстановка приоритетов в пользу российского образования и знания русского языка и российской культуры способствует намеренному неиспользованию в семейном общении родной речи, чтобы ребенок не приобретал акцент и чтобы у него не возникало проблем в русскоязычной среде ровесников. Данную стратегию в основном используют родители в иноэтничных семьях, не поддерживающих или слабо поддерживающих контакт с родственниками, оставшимися на родине, и даже родственниками, проживающими рядом.

В случаях стремления семьи к максимальной интеграции актуализация этнической идентичности происходит в основном в моменты поездок на родину, а в повседневной жизни в городе проявляется в ситуации необходимости родственно-земляческой помощи, как ресурса для преодоления структурных барьеров. В условиях этих барьеров, например при отсутствии российского гражданства или регистрации по месту жительства, осознание этого вынуждает семью

искать дополнительные возможности для включения в имеющиеся социальные коммуникативные практики. В одном интервью рассказали, как у дочери при поступлении в школу возникли трудности из-за армянского гражданства. В результате эта семья воспользовалась родственно-земляческими связями для того, чтобы получить временную регистрацию у родных. При этом косвенно замечается, что поддержание родственных социальных сетей требует соответствия их нормам, поскольку только тогда возможна активная поддержка с их стороны.

В целом наибольшее душевное спокойствие и защищенность, конечно, испытывают те ребята, у которых декларируемая система координат коррелирует с возможностями ее реализации. Речь здесь идет не только и не столько об экономических условиях, а о жесткости следования традициям. Иногда этническая идентичность может актуализироваться в более жестких и даже где-то агрессивных формах, когда семейные нормы очень резко дифференцируются от сценариев этнического большинства или этнического меньшинства. Принимая родительские установки «правильного» воспитания, при этом сравнивая себя со сверстниками, ценности и цели которых иногда значимо отличаются от транслируемых в семье идеалов, подростки вынуждены конструировать свою идентичность, постоянно преодолевая сопротивление разных сред. И это даже нельзя напрямую назвать «ситуативной» идентичностью, когда в разных пространствах воспроизводятся разные роли. Одним из самых ярких примеров оказалась семья талышей, которые девять лет назад переехали в Ульяновск из одного азербайджанского села. Пожалуй, именно в их семье наиболее однозначно воспроизводятся параметры родственно-земляческой иерархии. Социальные роли между членами семьи распределены и обсуждению фактически не подлежат. Отец – мелкий предприниматель, имеет на рынке ларек, торгующий овощами и фруктами. Мать – домохозяйка без образования, плохо разговаривающая по-русски. Дочери закончили учебу пятью классами, а сыновья смогли получить среднее образование. Дальнейшая их учеба не является приоритетом ни для самих ребят, ни для их родителей. Декларируемым приоритетом в этой семье оказывается соответствие своей этнической/религиозной роли (хотя они сами затрудняются определить, чем именно продиктованы те или иные нормы и правила). Их восприятие эмоционального и материального обеспечения на будущее связано в основном с исторической родиной, в интервью косвенно и напрямую конструируется жизненный стиль, присущий жителям их родного села в Азербайджане. А время пребывания здесь представляется как промежуточный этап перед счастливой и успешной жизнью на родине, где «правильное» воспитание позволит легко достигнуть высокой статусной позиции: начиная от открытия маленького бизнеса до женитьбы на «правильной» девушке. Актуализация этнического самосознания проявляется во всех моментах жизненного сценария. Каждый элемент повседневности воспринимается сквозь призму, «правильно или неправильно» это для этнической роли. При этом сами дети в талышской

семье даже сильнее, чем родители, актуализируют этнорелигиозную идентичность и все связанные с ней нормы. Они настаивают на необходимости более строгого соблюдения традиционных устоев в жизни. Складывается ощущение намеренной сепарации этой семьи от существующей среды. Сочетание социализации в рамках модели родственно-земляческих сетей с потреблением социальных поведенческих образцов окружающего этнического большинства, осознание существенных отличий приводят к культурной депривации и вызывают демонстрацию своей яркой приверженности этническим и религиозным канонам. Таким образом, конструируется механизм повышения социального статуса в «иной» среде и формирование социального превосходства над «неверными». Другими словами, «избыточная» этническая идентификация воспроизводится как способ отвергать вызовы современных ценностей окружающего социума, а также как механизм развития таких жизненных позиций, которые оказались бы значимыми ресурсами в условиях переезда на родину.

Важно отметить, что такие жесткие формы следования семейным традициям в мигрантских семьях, когда «правильное» поведение молодежи максимально жестко описывается в традиционных нормах, – лишь один полюс взаимодействия со средой в инокультурном сообществе. В большинстве случаев иноэтническая молодежь использует сценарии внутрисемейной карьеры как дополнительную «подушку безопасности», что позволяет подросткам чувствовать себя более защищенными, даже если им представляется, что они занимают более уязвимую позицию по отношению к местным ребятам. В случае неудачи успешной интеграции в принимающее сообщество «правильность» воспитания позволяет сделать альтернативный выбор. Поэтому дети из этнических меньшинств могут более гибко относиться к подъемам и спускам по социальной лестнице, а также к потере социального престижа в иерархической структуре.

Так, в иноэтнических семьях не исключают из жизненных сценариев успешную самореализацию внутри родственно-земляческих социальных сетей, ее также можно назвать «внутрисемейной карьерой». Например, чеченские девочки говорили, что их папа разрешает и одобряет получение образования своими дочерьми, включая техникум и вуз. Однако в представлениях отца об их идеальном будущем нет места профессиональной реализации дочек. Получение специальности рассматривается им как бонус к «правильности» девушек, который может повысить их шансы на жизненный успех в существующих в принимающем сообществе условиях в случае «провала» плана реализации «внутрисемейной карьеры». Или, например, парень-даргинец так объясняет настойчивость матери, которая убеждала его младшую сестру в необходимости получать высшее образование, что, несмотря на то, что самым вероятным сценарием будет ее успешное замужество, однако пока неизвестно, *«кто будет твой муж»*, нужно подстраховаться и получить образование (Санкт-Петербург, мужчина, 22 года, даргинец).

Характерным для реализации в рамках родственно-земляческих связей является «верность» традициям в самом широком смысле

этого слова, включающая в себя строгое соблюдение религиозных норм, признание главенствующего места семьи в иерархии ценностей, подчинение авторитетам старших, доминирование мужчин, поддержание определенного дресс-кода и моральных норм (что во многом связано с религиозными нормами).

При этом иногда преодоление родительских установок о поведении детей оказывается возможным только в случае разрыва с теми родственниками и земляками, которые интенсивно конструируют этнорелигиозные нормы. Так, мама из лезгинской семьи, которой муж в молодости не разрешил получить высшее образование, вынуждена была с ним развестись, чтобы отец не помешал дочери поступать в вуз.

Представление о «правильности» жены у юношей и их родителей складывается из целого комплекса параметров, которым она должна в идеале соответствовать. Чтобы быть успешной девушкой – нужно быть «правильно воспитанной» девушкой. В образе «хорошей» или «правильно воспитанной» девушки тесно переплелись традиционные и религиозные нормы поведения женщин, даже нельзя точно сказать, какие именно корни имеет то или иное требование, и сами респонденты также не отдают себе в этом отчет. Понятно, что чем выше уровень религиозности самого молодого человека или его семьи, тем строже устанавливаются правила. Однако и те семьи, в которых и старшие, и младшие члены признают, что для них посещение мечетей, храмов, соблюдение обрядов, правильные молитвы, выполнение догматов и норм не являются повседневной практикой, тем не менее могут воспроизводить заданные образцы поведения девочек.

Многие родители в иноэтничных семьях стремятся контролировать девушек во всех сферах их деятельности. Исключение даже общения с одноклассниками призвано ограничить влияние вызовов реальности и усваивание ценностных образцов, распространенных в современной школьной среде крупного города. Данную цель преследует и запрет на пользование социальными сетями и Интернетом для контактов с юношами. Пытаясь найти баланс между нормами семьи и тем, что считается нормальным в среде одноклассников, девушки вынуждены «делать вид», что они соблюдают указанные требования. Например, девочки тайно включают в социальные сети, общаются с «запретными друзьями» тогда, когда отец или братья об этом не знают.

Среди компонентов выбора того или иного сценария поведения респонденты выделяли страх потерять одобрение родственников. Если семья сохраняет и поддерживает социальные сети на исторической родине, то чем больше родственников осталось жить там, тем сильнее этот страх и потребность в их одобрении. Участники исследования говорили о том, что иногда семейные праздники, поездки к бабушкам, дедушкам, тетям, дядям становятся проверкой того, насколько они сумели стать «настоящими» аварцами, кумыками, даргинцами, чеченцами, армянами, талышами. Оставшиеся на родине родственники следят за тем, в какой одежде приезжают их внуки

и племянники, как изменяется их манера держать себя, не говоря уж об их увлечениях и склонности к физической работе по домашнему хозяйству. Кроме того, важны и те отзывы, которые поступают на родину от других родственников или земляков. Вразрез с местным укладом может пойти идея позвать на свой день рождения друзей-сверстников в какое-нибудь кафе или же уединиться от родственников для разговора по сотовому телефону.

Этническое воспитание очень сильно различается от одной группы мигрантов к другой. И порой привычные практики и социальные роли бывает трудно приспособить к новым условиям [Акифьева 2015]. Первый опыт сравнения себя с другими народами молодежь приобретает в самых бытовых ситуациях, вовсе никак не связанных с национальными праздниками. Это приводит к смешению процессов социальной и этнической идентификации.

В семьях, в которых сильнее актуализировано стремление к интеграции, представления о способах и правилах коммуникации с окружающей средой скорее определяются теми факторами, которые несет окружающая среда: сверстники, однокурсники, друзья.

Как показали результаты нашего исследования, на формирование этнических представлений оказывает влияние этническое разнообразие среды. По мере усиления контактов с представителями других национальностей восприятие молодежи начинает основываться на собственном опыте непосредственного взаимодействия и в меньшей степени ориентироваться на мнения взрослых, СМИ и других агентов социализации. В ситуации включения в инокультурное пространство (будь то с позиции этнического большинства или меньшинства) описания «иных» национальных образов, характеров, представлений формируются уже не столько под воздействием мнений и оценок окружающих, сколько являются результатом собственного знания. При этом, как уже говорилось, нормы поведения в молодежных компаниях, которые бывают неоднородны по своему этническому составу, могут существенно расходиться с принципами воспитания в семье. Дети и подростки, являясь членами определенных этнических и одновременно других социальных групп, более или менее осознанно и целенаправленно реализуют во взаимоотношениях друг с другом тот тип поведения, который одобряется в этих группах.

Анализируя результаты проекта, можно выделить несколько ключевых социокультурных и языковых контекстов актуализации этнической идентичности, этнических представлений в повседневном взаимодействии с *peer groups*. Все они так или иначе связаны с идеей формирования бикультурной идентичности, как следствия многонационального состава крупных российских городов. Варианты развития бикультурных и традиционных этнических идентичностей зависят от специфики той социокультурной среды, где они протекают.

В нашем исследовании мы выделили несколько аспектов проблемы согласования разных по характеру нормативных требований семьи и более широкой социокультурной среды полиэтничного

региона. Характеристики этнических проявлений молодежи имеют свою специфику, связанную с периодом взросления, включения в межэтническое взаимодействие, индивидуальным этническим и миграционным статусом. Соответственно, процессы формирования этнической идентичности в полиэтничном регионе будут протекать по-разному, приобретая в одних случаях сложный, множественный, бикультурный характер, в других – существенно переопределяясь и даже полностью трансформируясь в рамках новой среды. Либо возможен вариант более жесткого выстраивания границы этнических проявлений, когда противопоставление «своих» и «других/ чужих» может приобрести характер противостояния, дистанцирования, сегрегации в рамках этнического сообщества (семьи или этноконфессиональной группы сверстников).

Процесс трансформации идентичности в ситуации включения в новую социокультурную среду начинается, по утверждению наших респондентов, в первую очередь с языка. В целом умение говорить на русском языке, использование его в повседневном межэтническом общении является важной положительной поведенческой составляющей этнических представлений в молодежной среде. Вместе с тем важно не просто говорить по-русски, а именно делать это хорошо (не только без акцента, но даже делая это с «русским акцентом»). Можно даже утверждать, что это является не просто важной, а минимально необходимой характеристикой интеграции в иноэтническую среду. И подобные требования к ребятам из иноэтнических семей предъявляются сверстниками еще в младшем школьном возрасте.

Осознание собственной этнической принадлежности, связанные с этим чувства и модели поведения могут играть большую или меньшую роль в повседневной жизнедеятельности человека. В ситуации бикультурной идентичности ее конкретный выбор может чередоваться и меняться в зависимости от социокультурного контекста. Это происходит, например, когда молодежь в той или иной ситуации переходит с одного языка на другой. Например, со сверстниками используется русский язык, а когда общение переходит на уровень этнической группы – родной. Подобно этому могут строиться отношения и в семье, когда дома повседневным языком внутрисемейного общения является национальный, а в общении со сверстниками – русский. При этом бикультурный выбор и бикультурные компетенции становятся важнейшими составляющими социального поведения именно в детском и подростковом возрасте, когда этническая идентичность еще очень подвижна. Такая бикультурная компетентность позволяет относительно комфортно жить в двух и более измерениях, используя разные языки, нормы и образцы поведения в разных референтных группах. Однако бикультурная компетентность может переживаться и как ситуация маргинальной этнической идентичности, когда ценности разных культур не интериоризируются. И тогда выходом из этой ситуации может стать выбор другого основания для конструирования личностной идентичности, например субкультурной, как в нашем исследовании это произошло с молодой девушкой из Дагестана, для которой ее субкультурная идентичность является опреде-

ляющей по отношению к этнической. Поведенческий сценарий этой респондентки сконструировался после эмоционального переживания ксенофобного давления сверстников и проблем выстраивания собственной этнической идентичности. Способом преодоления этого давления стало осознанное выстраивание субкультурной идентичности как свободной от этнической нагрузки.

Эмоциональное отношение к представителям разных национальностей, а также к своему народу раскрывается и через оценочные высказывания, касающиеся непосредственно межнациональных отношений. В этой связи нами были проанализированы повседневные определения «народа» и «национальности», которыми оперируют молодые люди, – все те названия, которые респонденты используют для обозначения разных народов и вкладываемые в эти названия ситуативные смыслы. В первую очередь к их числу относятся такие, как «азеры», «чурки», «черномазые», «хачи» и т. п. Чаще всего они произносятся в адрес выходцев из Средней Азии и Кавказа. Интервью показывают, что чем чаще в отношении «Другого» звучат негативные оценки, тем выше уровень взаимного недоверия, напряжения и опасений. В результате усиливается взаимное социальное дистанцирование, которое может приводить к замыканию, социальной и пространственной сегрегации в рамках этнических сообществ.

Более того, когда языковая дискриминация того или иного рода осуществляется в отношении в целом всех представителей Кавказа, Закавказья, Средней и Центральной Азии, она является дискриминацией еще и расовой. Это становится всего яснее, когда употребляется слово «черные» и его эквиваленты, а также когда под имя «азеров», «хачиков», «аров» зачисляют представителей любых других национальностей. При этом национальная принадлежность может оказаться более узкой, локальной характеристикой и формировать понимание своеобразного «единства», в первую очередь, кавказских народов в силу близости ценностно-нормативных и мировоззренческих черт.

Исследование показало, что позитивный опыт межкультурного взаимодействия (например, в рамках одной компании) усиливает не только аффективную, но и когнитивную составляющую образа этнической группы. В смешанных этнических группах сверстников интерес, уважение и даже восхищение начинают вызывать традиции, обычаи какой-либо этнической группы. Например, в нашем исследовании молодые люди достаточно часто положительно отзывались о сплоченности кавказских народов, их почтительном отношении к старшим, родителям, нормах гостеприимства и пр. По мере усиления межэтнического взаимодействия в рамках *peer groups* увеличивается значимость культурного компонента в отношении к той или иной этнической группы. Ситуации межэтнического общения дают человеку возможность приобретения новых знаний об особенностях собственной и других этнических групп, а также формируют необходимые коммуникативные навыки.

Однако чрезмерная демонстрация этнорелигиозной принадлежности (например, в одежде, языке, ритуалах) может негативно оцени-

ваться как представителями титульной, так и своей этнической группы. Подобные высказывания в исследовании, например, прозвучали от дагестанских девушек в адрес своей землячки.

С другой стороны, можно предположить, что демонстрация своей этнической принадлежности становится модным стилевым трендом в подростковой и молодежной среде, а в некоторых случаях – дополнительным ресурсом для реализации жизненной стратегии. Интересной с этой точки зрения является история русской девушки, отец которой второй раз женился на армянке, когда его дочка была еще 5-летним ребенком. Она стала жить в его новой семье, а не с родной матерью. Социализируясь в смешанной этнической среде, она все же старается найти свое место в родственно-земляческих связях армянской части семьи, доказать, что она в достаточной степени армянка. В этих условиях осознание своей социальной роли становится подвижным и изменчивым. В ее жизненной стратегии интегрированы оба способа занятия достойной социальной ниши (как профессиональной, так и внутрисемейной карьеры), однако самым важным элементом достижения успешной позиции в жизни самой девушкой называется брак с армянином с последующим принятием необходимых образцов поведения – ношение закрытой одежды, ограничение в общении и в профессиональной самореализации. Другие «русские» девушки из ее окружения воспринимаются ей как более «невежучие», неспособные сделать такую «социальную карьеру» по причине отсутствия данного этнического ресурса, пусть даже и не «наследуемого», а «заработанного» через послушное выполнение наставлений со стороны армянских родственников.

В повседневном взаимодействии в молодежной среде важными являются не столько национальные, сколько культурные различия (например, стилевые или субкультурные). А этничность может активно включаться в современное потребительское общество, становится частью молодежного стиля. Можно предположить, что когда человек присоединяется к общемировым стилевым трендам, то и он сам, и его окружение начинают воспринимать его в первую очередь как представителя определенного стиля. Это позволяет идентифицировать себя и окружение в пространстве современных молодежных культур, вне этнического контекста. Исследование показало, что коммуникативные практики в компании инициируют реакции замещения национальной идентичности на компанейскую. Она становится более значимой в конструировании образа «свой–чужой», чем этническая как таковая. Иными словами, именно конкретный представитель этнической группы, с которым общаются принятые в нее ребята, признается совершенно «нормальным» в отличие от других своих землячков. Подобную ситуацию мы наблюдали почти во всех смешанных компаниях.

Негативные оценочные характеристики других этнических групп также часто строятся по параметрам поведения (агрессивное, несущее в себе экономическую или физическую угрозу, культурные практики, социальные отношения не соответствуют общепринятым нормам). Однако молодежи подобные опасения, согласно результатам наше-

го исследования, скорее не свойственны. А со стороны этнических меньшинств звучат даже обратные претензии к местному населению (чаще всего к русским), образ жизни которых несет угрозу по отношению к их этническим устоям и, в конечном счете, угрозу потери их этнической идентичности (например, мода на короткие юбки, шорты и пр.). Восприятие себя как потенциального объекта агрессии со стороны «кавказцев» характерно скорее для дискурса старшей молодежной группы и взрослых. В отдельных случаях наши респонденты переводят такое описание в плоскость эмоционально-оценочного восприятия: «ведут себя вызывающе», «ведут себя как хозяева», «постоянно выпендриваются» и т. д. Следует обратить внимание на то, что подобные оценки звучат не только из уст этнических русских, но и представителей других национальностей, укоренившихся уже на той или иной территории. Ощущение опасности, тревоги, недоверия и других отрицательных эмоциональных составляющих в отношении этнических групп усиливается стереотипными представлениями об их растущей численности. При этом если складывающиеся этнические образы имеют безоценочный характер, то социальные взаимодействия значительно упрощаются, становятся достаточно предсказуемыми и бесконфликтными, и наоборот [Титов 2003].

Этничность становится основанием для укрепления уже в самой молодежной среде нормативной женственности и мужественности. Примечательно, что чем более этнически замкнутой остается группа, тем больше сами молодые начинают активно поддерживать сложившиеся там гендерные границы, выступая в качестве контролеров. Так, в Санкт-Петербурге рассказывали о том, как девушки-армянки обучали свою русскую подругу правилам поведения с понравившимся ей мальчиком-аварцем. В результате подругам удалось скорректировать ее образ в соответствии со своими гендерными этническими представлениями. При этом их ровесники (тоже армяне) делали замечания уже другой своей землячке, которая, по их мнению, не соответствовала нормативной этнорелигиозной модели поведения. Конечно, сейчас речь идет только о демонстрируемых, артикулируемых в контексте собранного эмпирического материала нормах поведения, большая часть из которых оказалась гендерно-ориентирована. Но очевидно, что они этим не ограничиваются. Более того, этнические и религиозные требования пересекаются, оказываются неразрывно связанными. Отметим, что этническая религиозность на этом уровне фактически заменяется религиозной, которая выходит на первый план.

Именно в пространстве гендерных ролей и режимов наиболее ярко проявляется проблема согласования разных по характеру нормативных требований семьи и социального окружения. Например, в одном интервью дагестанская девушка категорически отказалась позировать на уроке живописи своим одноклассникам даже с частично обнаженными участками тела, хотя это вполне распространенная практика во время обучения в вузе.

В полиэтничных и поликонфессиональных сообществах на поведенческом уровне в повседневном взаимодействии с peer groups

ярко проявляется конфессиональный аспект оппозиции «свой–чужой». Принадлежность к той или иной конфессии является главным условием того, что человек является неотъемлемой частью своего народа. В исследованиях достаточно часто на вопрос о национальной или этнической принадлежности респонденты называют свою конфессиональную идентичность – мусульмане, православные. С одной стороны, это может быть связано с низким уровнем этнорелигиозных компетенций, с другой – сознательной подменой этнической идентичности религиозной в ситуации ее конструирования. Более того, конструирование границ *peer groups* также может определяться не этнической, а именно конфессиональной принадлежностью. В нашем исследовании молодые мусульмане проявляли большее желание и готовность общаться, дружить или просто жить рядом с представителями своей религиозной группы, независимо от национальной принадлежности ее членов. Собственно, на практике в отношении ближнего круга общения, как показало исследование, так зачастую и происходит.

Таким образом, этническая идентичность, базирующаяся на повседневных представлениях о своем народе, традициях, образе жизни, характере и манерах поведения других, противопоставление себя другим этническим группам, является основой для формирования межнациональных отношений в молодежной среде.

Благодарности

Статья выполнена в рамках грантов «Дети и подростки в этносфере крупного российского города» Российского гуманитарного научного фонда, грант № 13-03-00597, «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» Российского научного фонда, грант № 15-18-00078.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation, project “Children and adolescents in the ethnosphere of a large Russian city”, no. 13-03-00597, and Russian Science Foundation, project “Fields of positive interethnic interactions and youth cultural scenes in the Russian cities”, no. 15-18-00078.

Литература

- Акифьева 2015 – Акифьева Р.Н. Дети и родители-мигранты в Санкт-Петербурге: Несогласованные линии поведения // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 117–134.
- Арутюнян и др. 1999 – Арутюнян Ю.В., Дробизжева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. 271 с.

- Дети и подростки... 2015 – Дети и подростки в этносфере крупного российского города: Сб. статей / Под ред. Е. Омельченко, Е. Лукьяновой. СПб.: Свое изд-во, 2015. 200 с.
- Сабирова, Андреева 2014 – Сабирова Г.А., Андреева Ю.В. Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 1. С. 170–189.
- Титов 2003 – Титов В.Н. О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 41–50.

References

- Akifeva, R.N. (2015), “Deti i roditeli-migranti v Sankt-Peterburge: Nesoglasovannie linii povedeniya”, *Ethnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 117–134.
- Arutunan, U.V., Drobigeheva, L.M., Susokolov, A.A. (1999), *Ethnosociologia*, Aspekt Press, Moscow, Russia, 271 p.
- Omelchenko, E., Lykianova, E. (eds.) (2015), *Deti i подростки v etnosfere крупного rossiskogo goroda*, Svoe Izdatelstvo, Saint-Petersburg, Russia, 200 p.
- Sabirova, G.A., Andreeva, U.V. (2014), “Shkolnaa drugheskaa kompania podrostka s migracionnoi istoriey”, *Ghurnal sociologii I socialnoi antropologii*, no. 1, pp. 170–189.
- Titov, V.N. (2003), “O formirovanii pressoi obraza ethnicheskogo migrant (vzglad sociologa)”, *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 41–50.

Информация об авторах

Наталья В. Гончарова, кандидат социологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия; 432970, Россия, Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42; nata_gonch@mail.ru

Ольга А. Елкина, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия; 432970, Россия, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42; dobrayolga@mail.ru

Information about the authors

Natalia V. Goncharova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Ulyanovsk State University; bld. 42, Lev Tolsoy Street, Ulyanovsk, Russia, 432907; nata_gonch@mail.ru

Olga A. Elkina, Ulyanovsk State University; bld. 42, Lev Tolsoy Street, Ulyanovsk, Russia, 432907; dobrayolga@mail.ru

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
О.Н. Картамышева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 14.12.2020.
Формат 70×100¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 7,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1043

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru